

Свои

январь 2015

журнал
Никиты Михалкова

В НАЧАЛЕ БУДЕТ СЛОВО

Россия вступает
в Год литературы

Нон-фикшн по-древнерусски

Что читали
наши предки

Державный книгочей

Александр Миротворец
и его великие
современники

«Пока капкан судьбы

не щелкнет»
Фрагмент новой книги
Захара Прилепина

Когда наступит час обнаружения для России ее исторического призвания, никто не может сказать. Но все показывает, что час этот близок, даже несмотря на то, что в русском обществе не существует почти никакого действительного сознания своей высшей задачи...

Должно надеяться, что готовящаяся великая борьба послужит могущественным толчком для пробуждения положительного сознания русского народа. А до тех пор мы, имеющие несчастье принадлежать к русской интеллигенции, которая вместо образа и подобия Божия все еще продолжает носить образ и подобие обезьяны,— мы должны же, наконец, увидеть свое жалкое положение, должны постараться восстановить в себе русский народный характер, перестать творить себе кумира из всякой узкой ничтожной идейки, должны стать равнодушнее к ограниченным интересам этой жизни, свободно и разумно уверовать в другую, высшую действительность.

Владимир Соловьев (1853–1900)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

- 2 **Слово издателя**
Вернуться к шелесту страниц
- 3–7 **Корневая система**
Нон-фикш по-древнерусски
- 8–11 **Культурная эволюция**
Державный книгочей
- 12–15 **Философ о философе**
Очарованный путаник
Владимир Соловьев: упования и заблуждения
- 16–18 **Русский гений**
Бабочка от Ганнибала
Чем мы обязаны арапу Петра Великого
- 19–21 **Наш Крым**
Киммерии полынный дух
Медитации Максимилиана Волошина
- 22–27 **Родное слово**
«Пока капкан судьбы не щелкнет»
- 28–31 **Русский след**
Загадки «Толстоевского»
Великий тандем, покоривший Восток и Запад
- 32–35 **Русские безъ России**
Везли с собой лишь книги да иконы
Судьбы соотечественников на Балканах
- 36–40 **Записки охотника**
По следу Хоря и Калиныча
Как Тургенев и Аксаков стали основоположниками жанра
- 41–43 **История одной песни**
Но ты и дорог мне такой...
- 44–47 **Другие берега**
О чем говорят манускрипты
Русские раритеты в главной библиотеке Франции
- 48 **Трапезная**
Овсень-овсень, улетел совсем

Главный редактор Елена Ямпольская, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

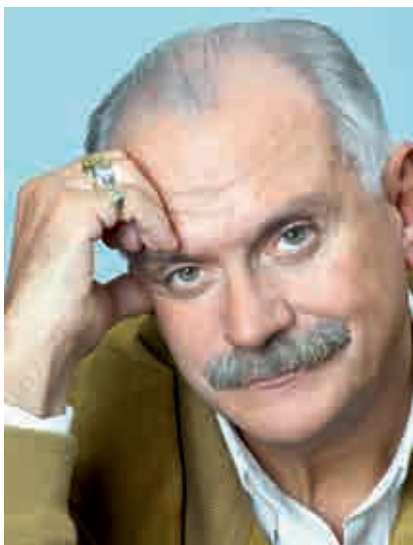
Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии Ab Scanweb Oy, www.scanweb.fi

Тираж 38 100

Подписано в печать 15 декабря 2014 г.

Вернуться к шелесту страниц

Набоков сказал, что настоящий писатель — тот, чьи книги не столько читаешь, сколько видишь. Это принципиально, потому что, начиная с Пушкина, то есть — с того момента, когда наша литература приобрела абсолютно новое значение и звучание, смысл и красоту, приблизившись к живому языку, она очень быстро заняла огромное место в русской жизни и в русской культуре.

Если допушкинская литература была сначала фиксацией факта в летописях, затем выполняла задачу парадную, потом перешла к сентиментализму — удовлетворяя потребность дворянских девушек в переживаниях (а параллельно с этим продолжала существовать устная литература, народная), то с приходом Пушкина словесность стала во многом нащупывать дорогу Русского мира вообще. Уже не слова были производным от реальности, а реальность во многом формировалась лучшими из написанных слов.

Как часто мы, читая и перечитывая великих русских писателей, хлопаем себя по лбу, изумляясь тому, насколько это совпадает с какими-то ситуациями в нашей жизни, с нашими собственными думами, фантазиями, личным душевным опытом. На мой взгляд, даже если бы в мире не было никакой иной литературы, кроме русской, она спасла бы от эмоционального и интеллектуального голода все человечество. Любой, кто сталкивается с самыми простыми и самыми важными вещами: жизнь, смерть, любовь, болезнь, дети, родители, голод, холод, война — найдет у наших классиков глубокое и верное отражение своих мыслей и чувств.

Русский язык — сложнейший, прекраснейший — может передать любое понятие, любое ощущение таким невероятным количеством разных словообразований, интонаций, переливов, энергетических столкновений, что, задумавшись об этом, с особой остротой понимаешь, насколько мы сегодня обезязычены, как обнищали — с точки зрения возможности передать эмоцию волнующими и точными словами. А корявость формулировки и приблизительность образа очень часто приводят к взаимному непониманию, обидам, к обеднению общего духовного мира.

Приход величайшего изобретения человечества — интернета — лишил нас возможности водить пером по бумаге, перечитывать, зачеркивать, вновь возвращаться к написанному и испытывать потрясающее чувство автора, который, общаясь с белым листом, может выразить всю доступную ему глубину чувств. И передать это читателю — нынешнему и будущему.

Мне думается, что основой наступившего Года литературы должно стать, образно выражаясь, возвращение от кликанья мышкой к шелесту страниц. Культура создания и восприятия художественного текста обязана прорвать паутину усеченных, сокращенных, безграмотно написанных слов и определений, выражающих тусклые, банальные мысли. Все это оскорбляет слух и умаляет достоинство человека, рожденного на земле, где творили Толстой, Достоевский, Чехов, Бунин, Булгаков...

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke at the end.

Нон-фикшн по-древнерусски

Один из давних, абсолютно ложных стереотипов убеждает неокрепшие умы в том, что литература в России начала по-настоящему развиваться очень поздно — с XVIII, а то и с XIX века. И произошло это, дескать, исключительно под влиянием западной культуры.

Несостоятельность подобных взглядов доказать легко. Ведь что есть литература? Непременное производное от письменности, не так ли?

Русь даже в древние времена была страной весьма широкой грамотности. В Новгороде торфяная почва хорошо сохраняет древесину, вследствие чего до нас дошло большое количество берестяных грамот. Находки в Старой Руссе, Смоленске, Пскове, Витебске, Мстиславле показывают, что грамотными были и мужчины, и женщины, и господа, и слуги. А многие сапожники не забывали подписывать свои колодки.

Корневая система

Валерий Шамбаров

ВЛАДИМИР Креститель устроил на Руси первые школы. Современники отмечали, что и сам он любил «книжную премудрость». Какую именно? Наша страна принимала христианство из Константинополя, а Византия в раннем Средневековье на фоне упадка Западной Европы оставалась очагом высочайшей культуры. Сберегла наследие погибшей античной цивилизации. Создала и собственную неповторимую цивилизацию — православную. Все это в свое время стало проникать на Русь. На переводах изданий на славянский язык в X веке специализировалась Болгария. Среди тех книг давным-давно известны у нас «Евангелие учительное Константина Болгарского», природоведческий «Шестоднев»

Иоанна экзарха Болгарского, энциклопедический «Изборник» — перевод с греческого, сделанный для болгарского царя Симеона. Из Болгарии привозили переводы исторических трудов, житий святых.

Сын святого Владимира Ярослав Мудрый организовал уже отечественные книжные мастерские. В одних трудились переводчики, перелагая на славянский язык лучшие произведения греческой мысли. В других — труды размножались. Великий князь лично контролировал эту работу. Прочитав хорошую книгу, давал указание делать с нее списки. Он учредил в Киеве первую городскую библиотеку при храме Св. Софии. Тогда же, с XI века стали рождаться оригинальные русские произведения. В первую очередь летописи. Не просто перечни важнейших событий, а яркие и самобытные литературные творения. Удивительно лаконичные и вместе с тем емкие, способные изложить фактический материал образно и метко, вложив в небольшой объем колоссальную информацию. Появляется «Сказание о Борисе и Глебе» — заготовка для жития святых. Складывается «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, богословско-политический трактат и одновременно величественная поэма, написанная великолепным слогом.

В дальнейшем русские литературные традиции развивались по нескольким направлениям. Главным, конечно же, было духовное. Множились ряды русских святых, создавались их жития. Самым известным сборником стал Киево-Печерский патерик. До нас дошли наставления и послания св. Феодосия Печерского, св. Кирилла Туровского, Климента Смолятича и других церковных деятелей. Появлялись и светские произведения. Или, скажем так, условно светские. Православие являлось незыблемым фундаментом всей жизни. Определяло любые ее сферы: политику, быт, нравственность. Закономерно, что оно пронизывало и литературные произведения.

Среди них немало автобиографических и педагогических. Например, «Поучение» Владимира Мономаха. Воспевались воинские подвиги, как в «Слове о полку Игореве». Путешественники передавали впечатления о чужих странах. Описывались «Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли» (в Иерусалим), «Хождение в Царьград Добрыни Ядрейковича» и пр. Появлялись фундаментальные научные труды.

Так, внучка Владимира Мономаха Добродея-Евпраксия, будучи сосватанной за наследника византийского престола, в Константинополе поразила всех ученостью, познаниями в области медицины. Сохранился ее трактат «Алимма» («Мази»). Книга содержит разделы по общей гигиене человека, гигиене брака, беременности, ухода за детьми, правилам диеты, наружным и внутренним болезням, а также рекомендации по лечению мазями, приемы массажа.

Из Киевской Руси литературное мастерство передалось в северную, Владимиро-Суздальскую. С XII века здесь тоже началось летописание, составлялись весьма качественные произведения — «Житие св. Леонтия», «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери», «Служба на Покров Пресвятой Богородицы», «Слово похвально на Святый Покров», «Повесть об убиении князя Андрея Боголюбского».

Однако художественной литературой в буквальном смысле этого термина отечественные авторы себя не утруждали. В те времена книги являлись величайшей ценностью. Они создавались вручную, красиво оформлялись, стоили очень дорого. К ним относились с почтением. Человек всецело доверял книжному слову. Придумывать несуществующих людей и события — значило обманывать читателя, а ложь по православным понятиям — тяжкий грех. Да и вообще жителям Древней Руси показалось бы странным тратить время, силы и немалые средства на создание томов о похождениях выдуманных персонажей. И без того хватало крупных событий, замечательных людей, о которых стоило бы рассказать.

Другое дело, если выдумка предстает в заведомо условной форме, несет в себе переносный или дидактический смысл. Дефицит беллетристики с лихвой окупался устным творчеством — сказками,

И. БИЛИБИН. «БОРИС И ГЛЕБ НА КОРАБЛЕ», 1922

притчами, песнями. Изустно передавался и народный, былинный эпос. До сих пор восхищающее нас качество определялось «естественным отбором». Слабые произведения забывались, зато бережно доносились через столетия шедевры.

Западный эпос превозносил доблесть ради доблести, восхвалял рыцарей, резавших друг друга. Ибо поэтам платили те же рыцари. Скандинавский — славил драки викингов между собой, их успехи на чужеземной службе, количество добычи. Ну а как иначе — из этой поживы платили певцам-скальдам. Психология русского творчества была иной. В былинах воспевали только воинов, защищавших свою страну. Эти произведения создавались в народе и для народа.

Сопоставление Древней Руси с Западом в этом контексте даже

Одним из лучших иллюстраторов темы Бориса и Глеба стал в XX веке замечательный русский художник Иван Билибин. В 1930-е он вернулся из эмиграции в СССР. Умер в 1942 году в блокадном Ленинграде

слишком показательно. В европейских державах читать книги было почти некому. И короли порой являлись неграмотными. Единственной образованной прослойкой были священнослужители, а книжным языком стала латынь. На ней создавались не только богословские работы, но и хроники, дипломатические документы. Известна история о том, как дочь Ярослава Мудрого Анна стала королевой Франции. Сохранились документы, где красуется ее аккуратная подпись на латыни, а рядом — крест, поставленный неграмотным мужем, Генрихом I. Великолепное Евангелие, привезенное княжной, французы поместили в Реймском соборе, на этой книге стали присягать короли. Однажды ее показали Петру I. Пояснили: это самое древнее Священное Писание, выраженное исчезнувшим языком, которого уже никто не знает. Петр пригляделся, засмеялся и начал читать по-славянски...

Западные саги и рыцарские поэмы записывались и подвергались литературной обработке значительно позже. Да и русскими былинами исследователи заинтересовались лишь в XIX веке. Конечно, сохранилось не все. Однако и письменные литературные памятники не все уцелели. Скажем, после нашествия на Москву Тохтамыша (1382) в храмах сгорели книги, сложенные «под самые своды» — свезенные из других городов именно в надежде спасти их. А сколько было в истории таких нашествий! Сколько было обычных пожаров, слизывавших, как корова языком, целые города! То, что удалось сберечь в монастырских библиотеках, «просвещенные» потомки растаскивали, теряли. Самую древнюю из дошедших до нас русских книг, «Остромирово Евангелие» (1056–1057) обнаружили при разборке гардероба покойной Екатерины II. Видимо, принес кто-то из приближенных, императрица полистала и оставила, где пришлось...

Всем известна, пожалуй, лишь одна наша древняя воинская поэма — «Слово о полку Игореве». Но значит ли это, что она была в своем роде единственной? Нет. Шедевры не рождаются на пустом месте. Отточенное мастерство «Слова» показывает, что существовали и прежде произведения подобного плана. Возникли и последующие — например, «Задонщина» Софрония Рязанца. Крушение Киевской и Владимирской Руси не уничтожило литературную школу. В нашей стране по-прежнему создавались яркие памятники книжного творчества: «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Слово о гибели Русской земли», «Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра», «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», «Почучения» св. Серапиона Владимирского и св. Кирилла Белозерского, труды Епифания Премудрого,

В. ЛОПАТА. «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

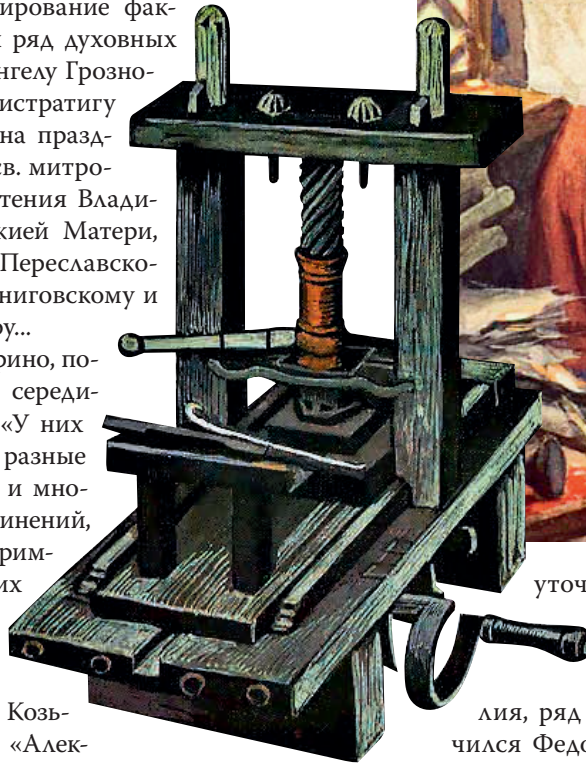
«Хождение за три моря Афанасия Никитина», «Просветитель» св. Иосифа Волоцкого и многие другие...

Русская рукописная литература достигла расцвета в XVI веке, при Иване Грозном. Отметим, что сам царь был талантливым писателем. По сути, именно он положил начало отечественной публицистике. Послания Ивана Васильевича сочны, образны. Он не ограничивал себя рамками стилей, считавшихся «классическими». Его мысль льется свободно, меняет формы, приемы. Здесь и строгая логика, и остроумная ирония, и умелое оперирование фактами. Царь создал и ряд духовных творений: «Канон Ангелу Грозному воеводе» (св. Архистратигу Михаилу), стихиры на праздники преставления св. митрополита Петра и Сретения Владимирской иконы Божией Матери, тропари св. Никите Переславскому, св. Михаилу Черниговскому и боярину его Феодору...

Венецианец Фоскарينو, посетивший Москву в середине XVI века, писал: «У них имеются в переводе разные книги святых отцов и много исторических сочинений, трактующих как о римлянах, так и о других народах». Среди любителей чтения ходили Четы-Минеи, «Космография» Козьмы Индикоплова, «Александрия» Гвидо Мессинского, «Повесть о Трое», «История об Аттиле, короле угорском», «Повесть о Динаре», «Повесть о Евстратии», «О пленении Иерусалимском» Иосифа Флавия, «Сказание о Вавилоне», «Повесть о взятии Царьграда турками», «Сказание о князьях Владимирских», «Казанская история».

В росписях галереи царского дворца, ведущей в Благовещенский собор, представлены портреты Ариостоля, Гомера, Вергилия, Плутарха, Фукидида. То есть в России знали и ценили этих авторов. Существовали «Азбуковники» — наставления для учителей со значительной суммой знаний в разных областях, несколько редакций «Арифметики», «О земном же верстании» — пособие по геометрии, «Стенам знамень» — наставление по архитектуре, «Назиратель» — энциклопедия по вопросам сельского труда, медицинские справочники — «Травники», «Зелейники», «Лечебники». Были популярными сборники поучений «Измарагд», энциклопедия по хозяйственной жизни «Домострой».

Тогда же, в XVI столетии, в России возникла типография. Не умаляя заслуг Ивана Федорова, следует

уточнить: он не являлся первопечатником.

В 1550-х была организована более ранняя типография. Она выпустила несколько изданий Четвероевангелия, ряд других книг. Дальше в работу включился Федоров, в 1564-м выпустил «Апостола», в 1565-м — «Часослов». По договоренности царя с литовскими православными Федоров создал типографию за границей. В Москве трудились другие мастера: Никифор Тарасиев, Андроник Тимофеев Невежа, Маруша Нефедьев, Васюк Никифоров, Петр Тимофеев Мстиславец. В 1570-х была основана вторая типография — в Александровской Слободе.

В XVII веке немец Айрман рассказывал, что на московском базаре существовал отдельный Книжный ряд «длиной в целую милю». То есть спрос на литературу был огромным. Московский печатный двор, являлся весьма крупным для своего времени предприятием, здесь работало, по разным данным, от 8 до 14 станков. Но и этого не хватало. Печатные книги по-прежнему дополнялись рукописными. А частные типографии Белоруссии и Литвы специализировались на выпуске русских книг и поставке их в Россию...

Нужны ли еще доказательства того, что литературные традиции в нашей стране имеют очень глубокие корни — самобытные и сугубо национальные?

Культурная эволюция

С. ЗАРЯНКО. «ПОРТРЕТ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА», 1867

Державный книгочей

Тема противопоставления известнейших российских литераторов отечественным автократам всегда была одной из самых востребованных. Кого и кому у нас только не противопоставляли: Радищева — Екатерине Великой, Пушкина и Лермонтова — Николаю I, Толстого и Горького — Николаю II, Манделштама — Сталину... Даже «талантливого писателя» Курбского не преминули на веки вечные соединить в соответствующую пару с Иваном Грозным.

Удивляет то, что самому «реакционному» монарху наша «прогрессивная общественность» подходящего антипода не нашла. Как же так? Ведь годы государственной деятельности Александра III приходятся на эпоху, давшую России самое большое за всю ее историю число квалифицированных «инженеров человеческих душ». Природу этого парадокса на примере трех наиболее выдающихся писателей Отечества, а главное, на основании документальных свидетельств разбирает Юлия КУДРИНА, крупнейший специалист по историографии правления Александра III.

«Государь признавал, что литераторы, содействуя просвещению и воспитанию русского народа, приносят пользу не менее лиц, находящихся на государственной службе»

Академик Н.Ф. Дубровин

Великий князь Александр Александрович с отечественной литературой был хорошо знаком с детства. Граф С.Д. Шереметев вспоминал: «Он очень любил вообще русскую литературу. Бывало, о чем ни заговоришь, он все читал. Пушкин, Лермонтов были, конечно, его любимыми поэтами. Очень любил Гоголя и все рассказывал, что не забыть ему мастерского чтения «Мертвых душ» графом Сологубом. Следил и за современными писателями, прочитывал Достоевского, Льва Толстого, Маркевича, Тургенева. И здесь суждения его были очень метки. Он охотно читал вслух и чуть ли не каждый день императрице Марии Федоровне».

При Александре III обрели новое, небывало громкое звучание идеи русской самобытности, прежде раскрытые Достоевским. Это неудивительно, ведь Александр Александрович во многом стремился следовать заветам великого писателя: «Общество основывается на началах нравственных... На мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы — ничего не основывается, — полагал Федор Михайлович. — Нации живут не одной лишь заботой о цене рубля и биржевой спекуляцией, а великим чувством и великою единящею и всех освещающею мыслью, соединением с народом».

Высоко оценив работу Александра Александровича (тогда еще цесаревича) в качестве председателя комитета по сбору пожертвований в пользу голодающих Самарской губернии, Достоевский весной 1868-го признавался поэту А.Н. Майкову в письме из Женева: «Как я рад, что наследник в таком добром и величественном виде по-

явился перед Россией и что Россия так свидетельствует о своих надеждах на него и о своей любви к нему».

С творениями Достоевского цесаревич познакомился благодаря своему учителю К.П. Победоносцеву. И вступил с великим писателем в переписку. После выхода отдельным изданием «Бесов» (1873) автор предложил их вниманию Александра Александровича. В одном из посланий великому князю писатель утверждал: «Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступ-

ности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы; ибо раз с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития».

Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без

В. ПЕРОВ. «ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО». 1872

И. ПЛАЗУНОВ. «БЕСЫ»

В. ЗАБЕЛИН. «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

подобного высокомерия о собственном мировом значении никогда мы не сможем быть великой нацией и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так «высокомерны» в своем сомнении и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесла в него, каждая, хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и высокомерно самостоятельными».

Тогдашний наследник престола глубоко уважал Достоевского, «горячего проповедника основных

начал веры, народности, любви к Отечеству» (характеристика Победоносцева).

Почитательницей его таланта являлась и цесаревна Мария Федоровна, которой довелось встретиться с Достоевским трижды. Тот знал об отношении к нему будущих императора и императрицы.

16 декабря 1880 года состоялась знаменательная встреча в Аничковом дворце. «Их высочества, — вспоминала дочь писателя Л.Ф. Достоевская, — приняли его вместе и были восхитительно любезны по отношению к моему отцу. Очень характерно, что Достоевский, пылкий монархист в тот период жизни, не хотел подчиняться этикету двора и вел себя во дворце, как привык вести себя в салонах своих друзей. Он говорил первым, вставал, когда находил, что разговор длился достаточно долго, и, простившись с цесаревной и ее супругом, покидал комнату так, как он это делал всегда, повернувшись спиной... Наверное, это был единственный раз в жизни Александра III, когда с ним обращались как с простым смертным. Он не обиделся на это и впоследствии говорил о моем отце с уважением и симпатией...»

О том, что произведения Достоевского были очень хорошо знакомы Александру III, свидетельствовал, в частности, историк И.Е. Забелин. Этот факт подтверждает и письмо Победоносцева, написанное им Александру Александровичу после похорон писателя: «Вы знали и ценили покойного Достоевского по его сочинениям, которые останутся навсегда памятником великого русского таланта. Смерть его — большая потеря и для России...»

«Очень и очень сожалею о смерти бедного Достоевского, — сетовал цесаревич. — Это большая потеря, и положительно никто его не заменит. Граф Лорис-Меликов уже докладывал сегодня государю об этом и просил разрешения материально помочь семейству Достоевского».

И. РЕПИН. «ПАХАРЬ НА ПЛАНЕ», 1887

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЕ»

На погребение была выделена большая сумма. Вдове и детям Достоевского назначили пенсию в две тысячи рублей, у церковных властей получили разрешение похоронить его в Александро-Невской лавре.

«Не делайте из Толстого мученика, а из меня — его палача»

Александр Александрович зачитывался произведениями Льва Толстого с юных лет. После приезда принцессы Дагмар в Россию молодые супруги коротали вечера за чтением его романов и повестей. Вернувшись в 1879-м с Русско-ту-

рецкой войны, цесаревич говорил: «Солдат... во всех произведениях Толстого поразительно хорош».

Читателями-почитателями Толстого были и родные братья Александра III — Сергей и Павел Александровичи, а также двоюродный брат — Константин Константинович, поэт, президент Петербургской академии наук.

Граф С.Д. Шереметев вспоминал: «Конечно, восхищался он (Александр III. — «Свой») Л. Толстым до его поступления в философы. Он сильно сожалел о нем сначала, почитая его увлекающимся человеком, но всегда искренним и пламенным...»

Императору, однако, гораздо ближе был философ-писатель Достоевский, нежели писатель-философ Толстой. Это мнение определялось их отношением к Богу, религии, самодержавию, русскому народу. Тем не менее Александр III всегда подчеркивал редчайший талант Толстого как художника. Об этом в некоторой мере свидетельствует история с опубликованием пьесы «Власть тьмы», вызвавшей большой общественный резонанс. Откликнулись многие, в том числе Победоносцев, Е.М. Феоктистов и другие.

27 января 1887-го император познакомился с пьесой на чтениях у

министра двора И.И. Воронцова-Дашкова. «После конца 5-го действия все долго молчали, пока не раздался голос Государя: «Чудная вещь», — вспоминал актер А.А. Стахович.

Государь оказался в затруднительном положении. «Его уверяли, — отмечал Феоктистов, — что народился новый Шекспир, что во всей европейской литературе нельзя найти такого перла, как «Власть тьмы», а потому он высказал свое согласие условно: пусть приступят к постановке, а он приедет на генеральную репетицию и, смотря по впечатлению, какое произведет она на него, решит судьбу драмы». Наконец, постановка была разрешена. Показывалась не только в России, но и за рубежом.

После выхода в свет «Крейцеровой сонаты» Синод и официальная цензура ее запретили. Весной 1891-го супруга Льва Николаевича приехала на аудиенцию к императору. «Я нисколько не намерен сделать из него мученика и обратиться на себя всеобщее негодование. Если он виноват, тем хуже для него!» — сказал Софье Андреевне царь, а впоследствии разрешил включить «Крейцерову сонату» в 13-й том сочинений писателя.

Как только Александр III узнал о намерениях Синода отлучить знаменитого графа от церкви, на соответствующем докладе Победоносцева начертал: «Не делайте из Толстого мученика, а из меня — его палача». Император был активным противником политического преследования литератора. На докладах о его деятельности накладывал резолюцию: «Не трогать Толстого».

Известны 22 таких доклада, из них два — на имя императора Александра II, восемь — Александра III и 12 — Николая II. Министр внутренних дел И.Н. Дурново 30 января 1892 года в связи с опубликованием известной статьи «О голоде», воспринятой в российских правящих кругах как призыв к свержению законной власти, пред-

лагал императору наложить запрет на публикацию Толстым в зарубежных газетах антиправительственных материалов и предупредить в случае отказа подчиниться этому требованию о принятии иных мер воздействия. Резолюция императора на этом документе гласила: «Оставить на этот раз без последствий».

«Я получала тогда разные вырезки из иностранных газет, в которых бранили Государя за высылку Толстого, — признавала жена писателя. — Но так как это была неправда и я знала, что Государь добр и всегда хорошо относился к Льву Николаевичу и ко мне, я и написала в *Le Temps* опровержение ложных слухов».

«Ум его глубок и просвещен»

(И.С. Тургенев)

В ноябре 1879 года И.С. Тургенев в письме Я.П. Полонскому сообщал: «Я действительно познакомился с цесаревичем у Орлова... и, к великой моей радости, нашел в нем человека открытого, честного и доброго. Цесаревна тоже очень мила... Я гораздо лучшего мнения о наших правителях и об их уме и чувстве справедливости».

После восшествия на престол Александра III в статье, опубликованной в парижской газете *Revue politique et litteraire*, Иван Сергеевич охарактеризовал его весьма подробно: новый российский монарх «обладает многими их тех существенных качеств, которые создают если не великих, то, по крайней мере, хороших и настоящих государей. Всякий человек рождается с особыми способностями к той или другой профессии: этот государь кажется рожденным с несомненными способностями к власти... Он в расцвете сил. Здоров телом и духом, у него величественные манеры, царственный вид... Ум его глубок и просвещен... Казалось, он был связан сердечными узами с французскими республиканцами.

Сюда входило, главным образом, нескрываемое отвращение к императору Наполеону, двойственность которого, привычка к хитростям и интригам, оскорбляла все его честные инстинкты. Но когда наступила Коммуна, на него нашел яростный гнев против всех делателей кровавых революций, и он не раз повторял с некоторой досадой по поводу своих минувших убеждений: «Так вот до чего все это доводит»... Все, что о нем можно сказать, это то, что он русский и только русский. Он представляет даже замечательный пример влияния среды согласно теории Дарвина: в его жилах течет едва несколько капель русской крови, и, однако, он до того слился с этим народом, что все в нем — язык, привычки, манеры, даже самая физиономия отмечены отличительными чертами расы, где б его ни увидели, везде бы назвали его родину... Что касается нигилистов, которые предполагают, что император из страха может пойти на весьма большие уступки, даже на конституцию, то они жестоко ошибаются, совершенно не учитывая его характер и энергию. Их попытки запугать могут только остановить его на том пути к либерализму, куда ведет его природная склонность; если он сделает несколько шагов в этом направлении, это будет вовсе не потому, что они его запугивают, а несмотря на то, что они угрожают ему...»

На протяжении многих десятилетий наша официальная историография пыталась представить Александра III как махрового реакционера, контрреформатора, противника либеральных свобод и прогресса и вообще — серого, недалекого человека. Насколько справедливы были все эти определения? На сей вопрос, как видим, дали исчерпывающий ответ великие русские писатели, ныне признанные классиками. А их солидарное мнение против мнения конъюнктурщиков-пропагандистов выглядит куда более весомым.

Философ о философе

Н. РЕРИХ. «СОФИЯ ПРЕМУДРОСТЬ», 1932

Очарованный путаник

Федор Гиренок

Русская философия — за пределами философии. Возникает как литература. Такое возникновение в некотором смысле нелепо. Родоначальники — Чаадаев и славянофилы — этого не замечали, поскольку сделали предметом своих размышлений не бытие, но мысль о России. То есть первым предметом русской философии оказались мы сами, а первой мыслью — идея о том, что у всякого народа есть родина, и только у нас — Россия.

РУССКАЯ философия зародилась в неистовстве «Трех свиданий» Владимира Соловьева. Как учение о Софии Премудрости Божией...

Соловьев был странным человеком. Поздоровавшись, спешил протереть руки скипидаром. Его, по словам Е. Трубецкого, невозможно представить себе как супруга или как отца. Он вечно куда-то уезжал или откуда-то приезжал. Жил не дома, а все больше по номерам. Люди, с грустью замечал Розанов, так не живут. Соловьев неожиданно мог расплакаться, загрустить. Жизнь — это проза. А он любил поэзию.

Соловьев был близорук. Плохо видел. Но сторонним людям казалось: он наблюдает за пределами. Многие были уверены в том, что он знает с демонами. Боткин говорил ему: жени-

теть, батенька, долго жить будете. Соловьев не женился. И рано умер.

Он читал и перечитывал многих мистиков, но, на его взгляд, «почти все они имеют характер чрезвычайно субъективный и, так сказать, слюнвявый», каждый видит свои сны, и никто эти сновидения подсмотреть не может. Но самое интересное в том, что опыт мистиков совпал с опытом Соловьева.

До него никто из русских мыслителей не смел положить собственные видения в основание философии. Все ссылались на авторитеты. И Соловьев ссылался. Но был молод, талантлив и своенравен.

«София» — каприз Соловьева, его детское видение, повторившееся затем в Лондоне и в Египте. Она явилась ему в образе женщины. Он говорил с Софией, и та открыла ему глаза на мир. Под впечатлением от встречи был написан в 1876 году труд под соответствующим названием. Лосев назвал эту работу «довольно странной», незрелой. И тем не менее русская философия в ней заговорила. По-французски. Соловьев следовал по стопам Чаадаева.

О Софии у нас писали и до Соловьева. Однако связанный с ней концепт придумал именно он. Для него София — это «темного хаоса светлая дочь». То бишь у Софии есть отец, и этот отец — хаос. Дабы остаться в рамках христианского мировоззрения, нужно было хаос поселить в Боге. Что и было сделано — положением о том, что «в Боге есть хаос от века». Но что такое «хаос в Боге», автор не растолковал. А без этого разъяснения концепт туманен. Ясно одно: породнив Софию с хаосом, Соловьев проблематизировал ее отношение к порядку, к Логосу. И, следовательно, сделал неочевидным место русской философии в интеллектуальном пространстве Европы.

Через год после «Софии» Соловьев написал работу, в которой выделил три силы в человечестве (труд так и называется — «Три силы»). Первая — Восток, вторая — Запад. Первый отрицает свободу, подчиняя человека Богу. Второй отвергает Бога, требуя свободы. В итоге мир распадается. С одной стороны, в нем доминирует идея бесчеловечного Бога. С другой — безбожного человека. И обе стороны без связи друг с другом омертвели. «Необходимо, — пишет Соловьев, — присутствие третьей силы», которая примирит единство со свободой. Эта сила — славяне, вернее, русские.

В чем, по Соловьеву, состоит задача русских? В том, чтобы мы оживили, одухотворили и Восток, и Запад. Освободили их от взаимной вражды, дали им «общее безусловное содержание». Мы — народ-посредник. Между человечеством и божественным миром. Русские сами по себе неинтересны. Россия — орудие. Она действует не от себя, ибо никакой самости у нее нет. Осуществляет не свое, потому что ничего своего не имеет. Наша культура бедна, экономика убога, социальная жизнь примитивна. У нас нет даже наших

И. КРАМСКОЙ. «ПОРТРЕТ ФИЛОСОФА СОЛОВЬЕВА». 1885

собственных интересов. Мы должны только жить и мучиться. Зачем? Затем, чтобы нашими страданиями рождалась душа, которой не хватает Западу. Таково наше место в мировом разделении труда или, как говорит Соловьев, в мире всеединого. Благодаря всеединству Запад дает нам цивилизацию, а мы ему — душу.

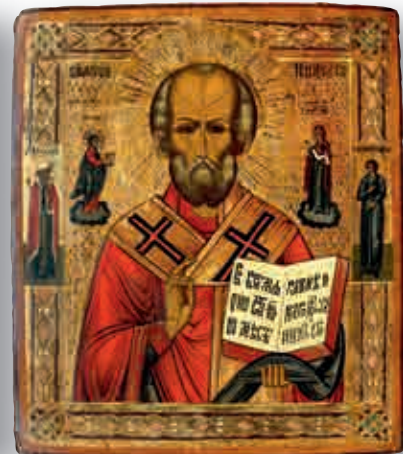
Соловьев заметил, что, начиная с Возрождения, все очевиднее становился процесс обмирщения Запада. Европа вежливо отказывалась от христианства, в котором все больше появлялось знания и все меньше оставалось веры. Открылись шлюзы, и пространство мысли в Европе затопили потоки «антикосмического космизма». Запад был занят утверждением мира в гуманизме и — как следствие — отрицанием мира в христианстве. Соловьев мечтал остановить процесс десакрализации в Европе. Для этого ему не было жалко ни России, ни православия. Он хотел их растворить под знаком всеединства в европейской культуре, чтобы последняя утвердилась во Христе. Под знаком Софии не вполне христианская Россия должна была соединиться с пока еще христианской Европой. Зачем? Чтобы Дао не заменил Логос.

Принцип всеединства Соловьев формулирует в работе «Россия и Вселенская церковь»: «Истина едина и одна в том смысле, что не может быть двух истин безусловно независимых одна от другой, а тем более противоположных одна другой».

Выражается простая мысль: все в этом мире связано, в нем нет никаких скрытых состояний и потайных мест, где можно было бы обособиться, спрятаться, создав локальную онтологию. Мир всеединства — это

ФИЛОСОФ О ФИЛОСОФЕ

Святой Кассиан
Святой Николай

как лента Мёбиуса, у которой нет изнанки, добро непрерывно и однородно связано со злом, красота — с уродством.

Соловьев говорит, что Бог един, и Бог есть все. Но проблема в том, что это «все» не есть Бог. Мир по отношению к Нему является другой истиной. Опять же, по Соловьеву, Бог стремится к тому, чтобы все стало Богом. Но зачем Ему это нужно? Ведь разнообразие так привлекательно, а возвращение к началу такое суровое... И еще. Если бы все стало Богом, то у Того не осталось бы никакого простора для свободы, Он был бы стеснен. У Него исчезло бы желание действовать, творить.

Соловьев полагает, что люди постепенно становятся тем, что Бог есть от века — абсолютно всем. Но и тут не объясняет, зачем им сие. Ведь это такая скука — повторять одно и то же. Согласно Соловьеву, у человека нет бытия в себе. У него есть только бытие в Боге. Но если у людей нет бытия в себе, то их просто нет. Они существуют как призраки. И тогда есть только Бог. И кривое зеркало, в которое Он смотрит на себя.

Как человек может быть субъектом? Соловьев объясняет: если бы у человека было бытие в себе, то он реализовывал бы мужской принцип существования. А это — способ бытия Христа. Поскольку у человека бытие в Боге, постольку он реализует женский принцип су-

ществования. Вот это и есть София, Премудрость Божия. Тем самым у Соловьева появляется два абсолюта — Бог и человечество. Один актуальный, другой — становящийся. И между ними — София как посредница.

Свершилась метанойя, перемена умонастроения Соловьева. Изменилось его отношение к России и Русской православной церкви. Произошел отказ от концепции третьей силы с заменой ее концепцией всеединства. Причем София сведена к какой-то пресной социальности: «Наряду с индивидуальным человеческим образом Божества, — наряду с Богоматерью и Сыном Божиим, — русский народ знал и любил под именем Святой Софии социальное воплощение божества в Церкви Вселенской. И этой идее, открытой религиозному чувству наших предков, — этой истинно национальной и, безусловно, вселенской идее нам и надлежит теперь дать рациональное выражение. Дело в том, чтобы дать ясную форму живой мысли, которая зародилась в Древней Руси и которую новая Россия должна поведать миру».

Соловьев под Софией теперь понимает не женщину. Не то, у чего есть лицо. А какое-то абстрактное социальное воплощение божества, нашедшее свое наиболее адекватное выражение на Западе. Обоснование перемены ума философа нашел в легенде о двух святых.

Кассиан и Николай были посланы из рая навестить землю. Как-то раз они увидели бедного крестьянина. Его телега, нагруженная сеном, завязла в грязи. Лошадь не смогла сдвинуть воз с места.

«Пойдем подсобим доброму человеку», — предложил святой Николай.

«Сохрани меня Бог, — ответил Кассиан, — я могу запачкать свою хламиду».

«Тогда подожди меня здесь или иди дальше, а я все-таки помогу»...

По мысли Соловьева, церковь в России действует, как святой Кассиан. Не идет к народу. А вот западная не испугалась грязи исторической жизни, не побоялась испачкать свои ризы и, засучив рукава, пошла в мир работать. И этот мир стал лучше. «Восточный человек молится, западный — молится и работает. Кто из двух прав?» — спрашивает философ и отвечает: конечно, западный человек. По мнению Соловьева, проблема России в том, что она ушла корнями в византийскую культуру, которая была, дескать, в принципе враждебна христианству. Под личиной православия, мол, скрывала антихристианство. Что должна делать Россия? Дружить с Европой, учиться у нее. Благодаря всеединству что-нибудь полезное да перепадет. Какой ценой? Лишившись собственного бытийного центра. Софиология Соловьева — теорети-

ческое оправдание изъятия из России ее онтологического ядра.

Это теперь не третья сила, а просто Восток. Но уже не как субстанция, а как элемент хаотизированного множества, которому противостоит Запад. Только Запад имеет в себе центр. «Мы, Восток, представляем лишь часть Вселенской Церкви, и часть, не имеющую своего центра в себе самой». То есть Россия есть некий децентрированный монстр. И наша задача в том, чтобы «связать наши частные и периферические силы с вселенским великим центром, который Провидение поместило на Западе».

В его рассуждениях появилась идея господства одного центра над другими: «Есть единство истинное, не противопологающее себя множественности, не исключаящее ее, но... господствующее над своей противоположностью и подчиняющее ее своим законам... София есть абсолютная субстанция или все в единстве».

«София как субстанция» — самое неудачное его выражение. Оно сви-

детельствует о непонимании смысла собственной работы. Представляет собой иносказание «простой» мысли: Запад универсален, Россия локальна. Если локальное когда-нибудь противопоставит себя универсальному, то это неизбежно станет асофийным. Ибо первое — всего лишь способ существования множественного. Но не единого.

Логические построения Соловьева порой не выдерживали встречи с действительностью. У него был неподдельный интерес к Анне Шмидт. Дама была уверена в том, что она не нижегородская журналистка, а София, и жених ее — Соловьев. После встречи с Анной он сказал: нет, это не София-посредница, у нее неподобающая внешность...

Соловьев — незадачливый странник, запутавший в дебрях русской философской мысли. Он искал свой путь в Иерусалим, но так и не нашел его. Русская мысль после философа-славянофила Юрия Самарина обречена была развиваться по двум направлениям. Основоположником перво-

го — путаной теории «глобального всеединства» — стал Владимир Соловьев. Второе — здоровый имперский антиглобализм — четко и убедительно обосновал Николай Данилевский. Исторический опыт многих последних десятилетий показал очевидную тупиковость, несостоятельность именно «соловьевского тренда». Но уже в этом, как ни парадоксально на первый взгляд, заключена большая польза — в избавлении от искренних, «благих», но оттого не менее вредных иллюзий-упований.

Полезен Соловьев и в качестве вечного «provokatora» сложных, весьма содержательных философских дискуссий.

Более того, лично я предложил бы включить замечательную работу философа «Три разговора» даже не в университетскую, а в школьную программу. А под отдельными его откровениями (плохо связанными между собой логически, однако яркими, выразительными и, по сути, верными) легко подпишется любой патриот России и в наши дни.

София Премудрость Божия

Предполагаемый
портрет
А. Ганнибала

ФОТО: PHOTOKRESS

Бабочка от Ганнибала

Игорь Сергеев

О теории Эдварда Нортона Лоренца, более известной под названием «эффект бабочки», многие из нас узнали благодаря целому ряду популярных фантастических кинолент, в основном западных. Суть примерно в следующем: бабочка где-то в Бразилии крыльшками махнула, взмах породил длинную цепь количественно и качественно нарастающих природных метаморфоз, и вот уже могучий ураган сотрясает города и веси Техаса. Так это происходит в действительности или несколько иначе — пусть спорят специалисты. Несомненно одно: похожие процессы в истории России имели место. А наиболее яркий, поистине феноменальный пример — судьба легендарного крестника Петра Великого.

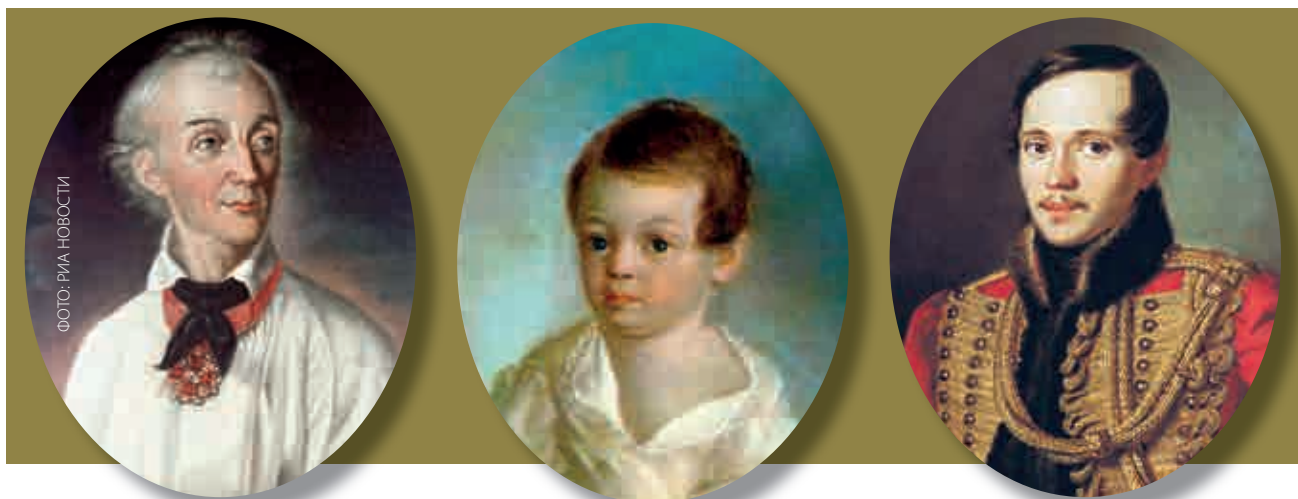
АЛЕКСАНДР Сергеевич Пушкин по праву считается создателем современного русского языка. Того, что является краеугольным камнем всей нашей самобытной цивилизации. «Как причудливо тасуется колода! Кровь!» — в пору воскликнуть вслед за одиозным булгаковским персонажем. Нам не дано определить, какая именно кровь текла в жилах Абрама Петровича Ганнибала (об этническом происхождении одного ходят разные версии). Зато знаем точно: его правнук — величайший уникум, давший небывало сильный толчок развитию русской литературы. А если бы не было у Петра I такого крестника?.. Один из немногих примеров употребления сослагательного

сандра Васильевича Суворова и человек, вошедший в нашу литературу как арап Петра Великого, были дружны. Неудивительно, если учесть, что оба являлись крестниками императора. Что касается будущего фельдмаршала, то он в детстве «был ростом мал, тощ, хил» и, по твердому убеждению родителя, к военной службе абсолютно непригоден. И вот однажды к Суворовым заглянул на огонек Ганнибал. Наиболее маститый биограф генералиссимуса А.Ф. Петрушевский описал этот случай так:

«Суворову исполнилось 11 лет; к его отцу заехал старый знакомый, генерал Ганнибал... Василий Иванович, беседуя с гостем, коснулся и своего сына, рассказав о его за-

да, то получается, что Абрам Ганнибал своим появлением на свет где-то на севере Африки во многом преопределил не только бурное развитие русской литературы, но и беспримерные ратные традиции, а равно боевые свершения государства Российского! Лучшими учениками, «детьми» Суворова оказались Багратион, Кутузов, Платов, Раевский... Это генеалогическое древо выдающихся русских полководцев не усохло, хочется верить, и по сей день.

Есть ли резон вспоминать в подобном контексте прямых последователей Пушкина? Разумеется. И в первую очередь того, кто взбудоражил общество стихотворением «Смерть поэта», подчеркнув тем самым свою высокую прием-

наклонения, который даже профессиональные историки сочтут приемлемым.

Абрам родил Осипа, Осип родил... Впрочем, с «нашим всем» их соединяет уже материнская линия. Хотя последний факт роли как будто не играет. Рождение Пушкина было преопределено, а значит, преопределен и генезис всем нам хорошо знакомой отечественной литературы.

К сожалению, ученые уже не смогут ни подтвердить, ни опровергнуть крайне важный эпизод, связанный с другим гениальным соотечественником. Отец Алек-

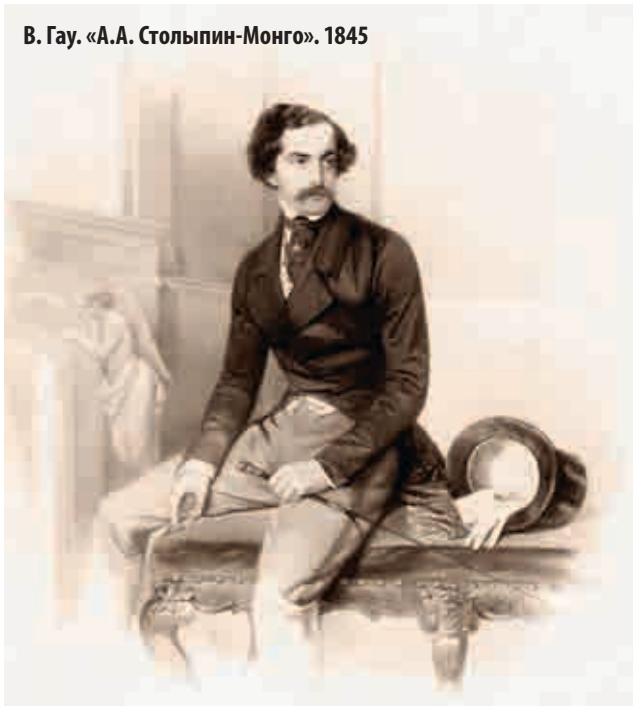
сандра Васильевича Суворова и человек, вошедший в нашу литературу как арап Петра Великого, были дружны. Неудивительно, если учесть, что оба являлись крестниками императора. Что касается будущего фельдмаршала, то он в детстве «был ростом мал, тощ, хил» и, по твердому убеждению родителя, к военной службе абсолютно непригоден. И вот однажды к Суворовым заглянул на огонек Ганнибал. Наиболее маститый биограф генералиссимуса А.Ф. Петрушевский описал этот случай так: «Суворову исполнилось 11 лет; к его отцу заехал старый знакомый, генерал Ганнибал... Василий Иванович, беседуя с гостем, коснулся и своего сына, рассказав о его за-

нятиях и причудах. Ганнибал расспросил отца, поговорил с сыном, пересмотрел его книги. Дело было до того ясно, наклонности мальчика в такой степени определительны и любовь к занятиям военными науками имела такой страстный характер, что колебаться было нечего. Ганнибал посоветовал Суворову-отцу не препятствовать сыну, а поощрять его в предпринятых занятиях и сказал, что блаженно поцеловал бы мальчика в лоб за его настоящие труды».

Ежели процитированные строки — не «апокриф», а чистая прав-
 ственность, а затем великолепно продолжил и по-новому раскрыл «чайльдгарольдовскую тему в условиях российской специфики». Сам же настолько вжился в роли собственных литературных героев, что едва ли не копировал в повседневности их поведение. Самозабвенно играл то законченного циника Печорина, то — особенно в минуту чудовищной кульминации — фатальную жертву первого, беднягу Грушницкого. И Пушкина, само собой...

Однако и на этом, казалось бы, финальном этапе «эффект бабочки» не теряет силы. С одной

В. Гау. «А.А. Столыпин-Монго». 1845

стороны, момент зарождения великой эпохи в отечественной литературе вроде бы пройден, правопреемники успешно продолжают начатое Пушкиным и Лермонтовым дело. С другой, все так же парадоксально и мощно действуют токи-импульсы некогда запущенного событийного процесса.

Троюродный брат Лермонтова Петр Аркадьевич Столыпин родился через двадцать с лишним лет после его гибели. Но значит ли это, что несчастная судьба поэта никак не отразилась на воспитании, личностном становлении будущего премьера-реформатора? Наверняка отразилась, да еще как! Кто ж не слышал, не читал, к примеру, о таком его типично лермонтовском качестве, как подчеркнутое презрение к смерти?

Многие страницы жизни Столыпина окутаны плотной завесой тайн. Однако и через эти покровы удается кое-что разглядеть. В многочисленном, дружном столыпинском семействе тема жизни и смерти Михаила Юрьевича была чрезвычайно больной.

Алексея Столыпина-Монго — общего для живших в разные времена великих кузенов двоюродного дядю — светская молва когда-то винила в роковых последствиях дуэли с Мартыновым. Считалось, что лучший друг и неперемный секундант Лермонтова Монго просто-таки обязан был предотвратить страшный исход. Но не предотвратил и якобы поставил тем самым на репутации целого рода несмываемое пятно. Обвинение было несправедливым, однако не считаться с ним Столыпину не могли. И несли крест тяжких упреков многие десятилетия.

Все вышеприведенные обстоятельства в подтверждениях не нуждаются. А вот то, что из разряда очевидного плавно перетекает в категорию вероятного, требует документальных доказательств. Все мы хорошо знаем о личном отношении известного царского премьера к дуэлям, о его всегдашней готовности участвовать в них, защищая свою честь. Но есть ли в каких-либо архивах документы, неопровержимо свидетельствующие о таком участии? Этот вопрос до сих пор остается открытым. Родной брат Петра Аркадьевича Михаил был смертельно ранен в одном из поединков. По одной из весьма правдоподобных версий, некоторое время спустя будущий председатель правительства дрался на дуэли с тем, кто убил брата, и это «рандеву» также завершилось отнюдь не бескровно... При чем здесь Лермонтов? Может, и ни при чем. Но, скорее всего, его печальная участь послужила неким подобием проклятия, передавшегося через Монго всему большому семейству Столыпинах...

Заканчивая перечисление судьбоносных «причинно-следственных связей», укажем, что Петр Столы-

П. А. Столыпин — Министр Внутренних Дел, ок. 1906 г., с супругой.

пин после гибели брата женился на его бывшей невесте Ольге Нейдгардт, праправнучке генералиссимуса Суворова...

Отец Петра Аркадьевича в детстве изредка проводил время в компании Миши Лермонтова — в родовом столыпинском имении Середниково. Почему изредка? Потому что был значительно моложе своего двоюродного племянника.

Не став в силу возраста близким приятелем поэта, сдружился во время Крымской войны с другим крупнейшим литератором — Львом Толстым. И эта дружба была пронесена через многие годы.

Как видим, чуть ли не все величайшие имена двухсотлетнего (золотого?) периода истории России удивительным образом переплетены между собой. Похоже, в теории Лоренца действительно что-то есть.

Киммерии полынный дух

Б. КУСТОДИЕВ. «ПОРТРЕТ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА», 1924

Поэт «киммерийских сумерек», он не раз возвращался сюда — иногда разбитым и несчастным, а порой — полным надежд. Чтобы в конце концов обрести покой на земле, которую всегда чувствовал родной. Любовь к Крыму Максимилиан Волошин, человек возрожденческого склада, выразил с размахом. Он обессмертил небольшой поселок Коктебель, не только запечатлев его в стихотворениях и сделав культурной Меккой для многих поколений литераторов. Волошин — один из основателей «киммерийской школы живописи», оставивший после себя множество акварельных пейзажей: тонких, лунных, прозрачных.

Наш Крым

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Вид на Сюрю-Кая»

Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

ПО ВОСПОМИНАНИЯМ современников, он был человеком, счастливо соединявшим в себе противоположные устремления. «У меня нет непосредственного чувства «добра» и «зла», — писал в дневнике юный Максимилиан. — Я отношусь к ним с одинаковым интересом». Подобная широта взглядов вряд ли была следствием нигилизма. Дело, видимо, в любопытстве, заставлявшем его обращаться к разным культурам. Например, использовать античный стихотворный размер, сочиняя очередное письмо жене из Коктебеля. А в живописи устремляться еще дальше — на Восток.

Волошин не был профессиональным художником. Первые уроки рисования и гравюры он взял в начале 1900-х у Елизаветы Кругли-

ковой, с которой познакомился в Париже. Поначалу Макс собирался стать критиком: слушал лекции в Сорбонне и Луврской школе музейведения, печатался в журнале «Весы». Живопись была нужна, чтобы понять тонкости работы художника. Однако в итоге переросла в самостоятельное увлечение.

Пробуя разные техники, он постепенно остановился на акварели. Тому были серьезные причины. Волошин-теоретик ощущал себя европейцем, стоящим на плечах гигантов прошлых столетий: от античности до Возрождения. «Русский становится гораздо более русским тогда, когда он принимает старое европейское солнце в свою душу», — писал он. Но как художник, не найдя созвучного себе в западной традиции, обратил взор

на Восток. В одной из статей жестко раскритиковал «странный мир европейской живописи», где масляные картины возводятся в абсолют, а мастера из века в век пишут портреты, толком не умея изобразить пейзаж. Да и само западное искусство, по его мнению, слишком абстрактно и оторвано от земли. Точь-в-точь как европейцы, придумавшие высокие столы и стулья. А ведь мир воспринимается через оптику, придумываемую художниками. По меткому замечанию Волошина, именно она — глаза человечества.

Отвергая путь, по которому шло развитие европейского искусства, Максимилиан пытается найти альтернативу. Он много рисует Крым. Правда, часто не на пленэре, а по памяти, в результате чего пейзаж теряет конкретность: предстает обобщенным изображением чудесной Киммерии. Колорит — бледные «тона жемчужной акварели». Порой картины кажутся почти монохромными: лиловое, с рыжими всполохами небо, на горизонте — сиреневые контуры гор, передний план — темная, почти черная земля. Поражают тончайшие оттенки красок и филигранная проработка деталей. Подобную технику рисования Волошин позаимствовал у японских художников. Наследие Страны восходящего солнца казалось Максиму более интересным, чем находящееся в тупике европейское искусство. Запад до сих пор болен Возрождением, считал художник. Забыты уроки цвета, преподанные готикой с ее красочными витражами. При том, что цвет — надежный самостоятельный инструмент. А еще слишком далеко зашло увлечение игрой света и тени. В отличие от европейских картин, многие века создававшихся в замкнутом пространстве студий и комнат, японское искусство, пишет Волошин, никогда не знало теней. Оно вдохновлялось природой, насыщенной «холодоватыми, сияющими, прозрачными тонами». Теперь

ФОТО: ЭМИЛЬ МАТВЕЕВ/ТАСС

«Громады дымных облаков»

наступило время, пророчествовал художник, когда «бледная радуга японских акварелей» встанет над европейским искусством. Эти грезы были не так уж оторваны от реальности: в XIX веке произошел всплеск интереса к Востоку, в том числе и к Японии, после более двух веков изоляции открывшейся Западу. Однако ожидания Волошина не вполне оправдались...

Впрочем, в его крымских работах немало сделано по восточному рецепту. Здесь и вправду почти нет теней. А если встречаются, то деликатные, едва заметные. Сами пейзажи кажутся пустынными и вневременными: присутствие человека почти не ощущается. Природа спокойна и величественна. Волошин не изображает бурь, подобно Айвазовскому, и не использует сочные краски, как Богаевский. Его картины медитативны, что в принципе типично для ориентального искусства. Драматический оттенок

вносит лишь луна — частый гость киммерийских пейзажей. Она отсылает к мистическим прозрениям прерафаэлитов, творчество которых Волошин ценил за попытку ускользнуть из-под гнета европейской традиции.

Его вряд ли можно назвать чистым приверженцем Востока. Как ни странно, скупые на краски крымские акварели — скорее аллюзия на северные пейзажи. Для Макса фактически существовало разделение: западная часть Крыма, Таврида, в культурном плане ассоциировалась с югом. А близкая его сердцу восточная область, Киммерия, — с суровой, холодной северной природой. В поэтических строках он часто обращается к образу поляны: здесь и горькая трава Коктебеля, которая «хмельна моей тоской», и «попынный дух и жесткий треск цикад», и «серебро поляны / на шиферных окалинах пустыни»...

Север, с его бескрайними степями (а не сочный, утопающий в дурмане цветов юг) был идеалом этого образованного европейца, всегда остававшегося русским.

Неудивительно, что Волошин, наделенный множеством талантов, всерьез увлекся живописью. Подобно многим неординарным людям, он обладал цветным слухом, о котором писал Набоков. Последний отмечал, например, что «О» похоже по цвету на миндальное молоко, а «Ф» — пыльно-ольховое. Волошин же в одной из дневниковых записей вспоминал: как-то за столом зашел разговор о цветах каждого человека. Макс тут же охарактеризовал Тютчева. Тот — фиолетовый, близкий к синему: «цвет просвечивающей бездны». Кто же еще мог обратиться к живописи, как не подобный уникам, посвятивший исследование цветовой символике русских икон? Гений масштаба столь нелюбимого им Возрождения.

«Пока капкан судьбы не щелкнет»

Захара Прилепина все чаще представляют у нас как первого писателя современной России. В 2014-м за роман «Обитель» он получил литературную премию «Большая книга» — и это тот редкий случай, когда награда, действительно, имеет право называться национальной.

Много времени и сил Прилепин отдает популяризации творчества талантливых предшественников, которые, по его мнению, остались недооцененными. Сейчас он работает над документально-художественным исследованием, посвященным некогда известному, а ныне почти забытому советскому поэту Владимиру Луговскому. «Свой» предлагает поклонникам Захара Прилепина фрагмент новой книги «Пока капкан судьбы не щелкнет». Публикуется впервые.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Справа налево: В. Луговской, Е. Долматовский с командиром Я. Червиченко в городе Вильно. 1939

НАША СПРАВКА

Владимир Александрович ЛУГОВСКОЙ (1901–1957). В начале творческого пути входил в организованную И. Сельвинским, К. Зелинским и А. Чичериным группу конструктивистов. Удачно экспериментировал с ритмами-тактами стихосложения. Первый поэтический сборник — «Сполохи» — выпустил в 1926 году. Несмотря на участие в Гражданской войне на стороне красных, как свой, социально близкий в «пролетарской» литературной среде поначалу не воспринимался. Слыл иррационалистом, индивидуалистом, носителем «буржуазно-деляческих настроений». Признание получил лишь в 1930-е, после того как романтизм, неповторимая лирика, философские рефлексии в поэзии Луговского были подкреплены мотивами «правильного» классового сознания. В советской литературе прожил сложную, изобиловавшую взлетами и падениями жизнь. Умер 5 июня 1957 года в Ялте. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Володя натягивает нос

«Вот, детка, такая картинка!» — было любимым присловьем поэта Владимира Луговского.

Мы нарисуем несколько картинок, стараясь не сильно их раскрашивать, но лишь идти вдоль линии человеческой судьбы.

Всякий литератор бывает не только вознагражден, но и наказан за свои слова и сочинения, однако мало в чьей жизни награда и расплата просматриваются столь наглядно, как в жизни Луговского.

Капкан, поставленный тобой для кого-то, многие годы ждет тебя самого.

Шаг за шагом, следуя за биографией Луговского, мы придем к этому капкану.

Даты его жизни — образцовые для того поколения.

Рожден в 1901-м — начало века, Луговской принадлежал только ему.

(1900 — слишком ровная и красивая цифра для поэта, а 1899 — совсем прошлый век, и оттуда неизбежно потянется его наследство; в том году, характерно, родились Владимир Набоков и Леонид Леонов — два года разницы, а далеки от Луговского несказанно.)

Умер же Луговской в 1957 — в год юбилея великого Октября, познав все его наследство: с одной стороны, уже после страшных разоблачений, с другой стороны — когда революция еще дула во все паруса русской истории и воздуха было много.

(Следующий юбилей уже сохранил легкую тревожную ноту, юбилей 77-го — если и звенел, то казенной бронзой, а юбилей 87-го года, по сути, сорвали, и делать там легендарному революционному поэту было совершенно нечего: или вызывать скепсис и снисхождение, или самому брызгать на собственную юность — еще неизвестно, что хуже.)

Предки Луговского по отцовской линии жили на Севере, в Олонец-

ЦЕРКОВЬ СИМЕОНА СТОЛПНИКА НА ПОВАРСКОЙ

ком крае. Дед Федор Александрович был священником.

На свадьбе родителей Луговского, в 1896 году, дед поднялся, провозгласил тост «За здоровье молодых!» — в тот же миг выронил рюмку и умер.

Свадьбу отложили на год. Рождение поэта Луговского отсрочили.

Родился он в доме у деда по материнской линии в Москве, на улице Поварской. Первый ребенок в семье. Мать едва не умерла при родах — плод был очень крупный (и вырос, поторопимся сказать, в огромного — выше эталонного великана Маяковского — мужчину).

Отец поэта, Александр Федорович, преподавал литературу в Первой московской мужской гимназии на Волхонке, 16, напротив Храма Христа Спасителя.

Мать, Ольга Михайловна, тоже происходила из семьи священника — Михаила Дмитриевича Успенского, настоятеля церкви Си-

меона Столпника на Поварской. В юности она была певицей, а затем, как и муж, занялась преподаванием — учила пению.

Жила семья Луговских возле отцовской гимназии.

Квартира — очень большая, многокомнатная, огромная кухня. Мать любила натертые полы — в дом приходили полотеры: все сияло.

Имелись две сестры, Нина и Таня.

Красавица кухарка Лиза, обеды из трех блюд.

Няня Катерина Кузьминишна — из деревни Непрядва на Куликовском поле, знаток поговорок и преданий, и заодно — пьяница. Рассказывала прекрасные и несусветные сказки (был такой царь Додон, тоже с Непрядвы родом, однажды проглотил все звезды, стала тьма, потом обожрался блинов, его вывернуло — и свет вернулся). Раскаленную кочергу брала голой

скрюченной рукой. Напивалась и несколько раз забывала детей на улице, ее увольняли, но младшая сестра Таня начинала целыми сутками реветь, и няню возвращали в семью.

Еще была фрейлен Аделина, немка. Катерина Кузьминишна называла ее фришкой.

Картинки детства странным образом мелькают в стихотворении Луговского «Биография Нечаева», там он пародирует свою судьбу: «Жизнь?.. Жизнь была ласковая, тоненькая, палеваая, / Плавная, как институтский падекатр. / Ровными буграми она выпяливала / Блока, лаун-теннис и Художественный театр».

Чтению выучился в пять лет без посторонней помощи.

Читал, поджав под себя ногу, то медленно и плавно, то вдруг резко взмахивая рукой — словно подыгрывая себе. Читая, ничего не замечал, весь был — там.

Сестра Таня вспоминала: «Любил играть один».

«Все строил из кубиков какие-то города и дома. Потом прятал свою руку в одном из домиков, а другой рукой стучался в него и спрашивал: «то там» (кто там?), и не пускал вторую руку в дом».

«Был горд. Не любил подарков»

Таня была плакса, Володя не выносил слез. Когда начинала реветь, вставал на коленочки возле ее кровати и шептал: «Туся, хочешь я стану Робинзоном и посватаюсь к твоему пупсу?»

«Он подрастал как-то странно, — вспоминала она. — Скачками. Несообразно. Сначала у него страшно выросли ноги. Потом голова за одно лето сделалась такая большая, что новая, купленная весной фуражка уже не налезла на его голову, и пришлось покупать другую. Потом он и сам к 14 годам так вырос, что когда мы все трое заболели scarлатиной и нас отправили в детскую клинику, то там, в клинике, не нашлось кровати по володиному росту. Пришлось родителям поку-

пать новую большую кровать и дарить ее потом больнице на память».

(Болея очень тяжело, теряя рассудок, кричал, что он лесной царь, однажды вскочил и, в бреду, на своих длинных ногах пытался выбежать из палаты; в этот день умер его дед — священник Успенский. Верно, хотел дедушку спасти.)

Потом еще по-разному росли нос, глаза и уши, и только брови с детства оставались неизменными. О бровях мы поговорим отдельно, они играли не последнюю роль в жизни Луговского.

Отец его был знаком со Львом Толстым. Маленький Володя однажды стал свидетелем, как отец, который всегда казался величественным и строгим, встретил какого-то бородатого деда и бросился целовать ему руку.

В доме Луговских бывали историк Ключевский и поэт Брюсов. В библиотеке имелись издания Державина и Жуковского с автографами.

Отец был больше, чем учитель — его знали как одного из умнейших людей Москвы. Ну и мать пела так, что бывало исполнит романс — дверь откроют, а там стоят их домработница и соседская, забежавшая помочь, и обе плачут.

Семья снимала дачу, которую до них много лет снимал композитор Скрябин.

Володя занимался музыкой и подавал блестящие надежды: бесподобно пел и отлично играл на роле.

Быть может, в подобных семьях и вырастают революционно настроенные юноши.

Даже 1905 год Луговской (четырёхлетнее дитя!) не забыл и рассказал после: «Я помню обстрел Трехгорки, гром и пламя, пустые переулки, цокот подков казачьих патрулей, постоянное отсутствие отца в эти дни, тревогу во всем доме, а до этого — известие о смерти дяди Павла, убитого, как я позже узнал, залпом роты Семеновского полка на Гореховой улице в Пите-

ре». (Дядя Павел выступал перед студентами, зацепившись за фонарный столб: так и погиб, у столба.)

Учился Владимир в той же гимназии, где преподавал отец.

Отличался, по собственным словам, «феноменальной неспособностью к математике и фантастической приверженностью к истории, географии и литературе».

Имел интерес к морским сражениям (бесконечные тетрадки, куда наклеивал картинки баталий) и к Средней Азии. «Подолгу застаивался перед картинами Верещагина».

В сорок лет Александра Федоровича Луговского хватил жесточайший инфаркт. Володя читал ему вслух — отцу запретили даже перелистывать страницы. Бессильные веснушчатые руки поверх одеяла.

Лежал так целый год. Володя, совсем мальчик, сказал матери: «Я буду вместо отца».

Мать влезла в долги и сделала отцу непомерно дорогой подарок, купив картину Саврасова «Грачи прилетели».

Раскрыли двери спальни — отец увидел картину и единственный раз во взрослой жизни заплакал. От счастья.

После этого случилось чудо, и болезнь пошла на убыль.

Чуть позже, на радостях, Луговские еще и Левицкого приобрели.

Так что Володя рос среди подлинников русских изобразительных шедевров.

Александр Федорович владел двенадцатью языками — греческий и латынь в числе прочих.

Володя успел выучить, как минимум, половину из этого списка. С самого раннего детства — французский, немецкий и латынь, потом сын вдруг объявил, что собирается идти на флот и ему нужен английский.

Спорить было не в правилах отца, сказал: хорошо, зарабатывай на репетитора сам.

Володя зарабатывал четверть стоимости репетитора, тем не ме-

нее в дом стал приходиться англичанин — котелок, белое кашне, трость.

В тот же год Владимир решил, что музыкой больше заниматься не станет. Родители взяли с него расписку: в будущем он обязуется не корить их из-за того, что они послушались неразумного сына. Расписался и — не корил никогда.

Помимо несомненного музыкального таланта, он еще и рисовал — «очень своеобразно, лаконично и с большой легкостью. Этот врожденный дар он совсем не развивал, а пользовался им всю жизнь в минуты рассеянности или для выражения смешного...» — вспоминает сестра Таня.

Лет в 14 начал писать стихи. Звал Таню послушать и никогда не признавался, что стихи его.

У сестры имелась загадка будущего характера брата.

С 14 лет Володя научился проделывать один фокус с физиономией. «Он подходил к зеркалу, тянул за какую-то невидимую ниточку свое лицо, и оно становилось другим: брови свирепо сдвигались и закрывали глаза, невидимые глаза должны были подозреваться злыми, рот ужимался внутрь, нос горбился, и на переносице выступал хрящик. И сразу из милого, доброго Володи он становился грозным человеком. Мы с сестрой этот вид его лица называли «Володя натягивает нос». А мама говорила: «Володя ранимый мальчик, он даже придумал себе лицо для защиты от плохих людей».

«Наш Володя больше любил читать, чем драться, — вспоминала сестра. — Но уж если приходилось ему вступать в драку, то так лупил товарищей — был сильный, — что их родители приходили к нашему папе жаловаться. Да и сам он являлся после драки окровавленный, а няня прятала его в кухню и смывала с него кровь перекисью водорода».

Он потом целую жизнь будет проделывать этот фокус с физиономией

и доказывать, что умеет драться. Пока не дойдет до своего капкана. Мы уже прошли часть пути, и капкан стал ближе.

Давайте еще на минутку останемся в детстве, там хорошо.

Нянька затапливает печку. Печка гудит. Это звук начала жизни, взросления, тепла, защищенности.

Нянька рассказывает очередную сказку про Додона. Тот Додон управлял своим государством, располагавшимся на семи китах, вьюга служила ему, а вместо коня был ветер.

Ох, уж этот ветер.

«Декабрьские ветра, не плачьте, не пророчьте...» — это из стихов Луговского, где слово «ветер» будет, наверное, самым частым и самым важным.

Командир с кобурой

Ему 13, и наступает война, которая продлится годы и годы. Луговской вырастет и возмужает на непрестанном фоне войны.

Он пишет о войне: «Сначала она пришла трофейными германскими касками, ослепительными олеографиями побед, лихих рубак и подвигов, а потом стала оборачиваться иной сущностью».

Луговской, еще совсем подросток, работает в госпитале, ухаживает за ранеными. Забегая вперед, надо сказать, что санитарная работа для него, доброго, обходительного и заботливого была бы лучшей из возможных. Но его все время будет нести туда, где раны, которые он обрабатывал, получают. К «ослепительным олеографиям побед» и «лихим рубакам» — в строй. Ему бы смывать чужую кровь перекистью водорода, а он как начал «натягивать нос» в шутку перед близкими, так и не перестал, выйдя в мир.

В октябре 17-го дом Луговских стоял посередине перестрелки — большевики забрались на колокольню Храма Христа Спасителя, а юнкера сидели в Александровском училище на Воздвиженке.

Отец закрыл матрацами окна и работал. Володя горячился, супил брови, ему хотелось на улицу, в стрельбу.

«Пусти меня, мамка, не то печь сворочу», — позже будет у него такая строчка. Кстати, смысл ее не только игровой, но и буквальный: вскоре выяснится, что молодой великан обладает большой физической силой — Луговской был из той породы, про которую рассказывают: а вот это он мог погнуть, а вот это он мог сломать двумя пальцами, а вот это он мог поднять на ладони.

На первый раз мамка не пустила, видимо, еще могла справиться, но на другой день он все равно сбежал из дома. Не было до самого вечера, вернулся с карманами, полными гильз, похвастался, что юнкеров отогнали — Луговской сразу и безоговорочно болел за большевиков.

Стрельба продолжалась — и теперь Володя каждый день уходил в город. Его повлекло.

В 1947-м вспомнит, как это было: «Я мальчишкой бежал по твоим переулкам, / Осень глотал, качался от пуль. / Проектор ворочал белесыми буркалами. / Сыпался первый морозный пух».

Революция своим чередом, а дом Луговских понемногу начинает беднеть — они до недавнего времени жили в достатке, от которого стремительно, к 18-му году не осталось и следа.

Мать, пишет в своих воспоминаниях Татьяна Луговская, «без всякой трагедии... выменивала на продукты свои колечки и сережки, не только не жалея их, но даже удивленно радуясь, что их можно было съесть».

Владимир, окончив семь классов гимназии, некоторое время учится в Московском университете, но ему совсем не до учебы.

Луговскому еще не исполнилось 18, когда он уехал на фронт, в Смоленск. «А то печь сворочу...» Попал в Полевой контроль Западного фронта.

Не передовая, но весь необходимый набор в наличии — знакомства и ночные беседы с комиссарами, пленные белогвардейцы, раненые красноармейцы, горячий революционный гон — все это он видит, все это покоряет его навсегда, обо всем этом он будет писать всю жизнь — и даже почти полвека спустя. Успеваешь один раз наведаться домой, привозит два караваев хлеба, испеченного на кленовых листьях. Торопливо возвращается на фронт, к своим удивительным приключениям и... вскоре заболевает сыпным тифом.

Судьба бережет от бойни: погоди.

Совсем юному фронтовику приходится вернуться в Москву на лечение.

В семье заметные изменения быта.

«Сразу после революции отец идет работать в Наркомпрос», — писал Луговской в биографии, что было не совсем правдой.

Только в конце зимы 1919 года Александр Федорович через Наркомпрос создает в Сергиевом Посаде колонию для подростков, натурально спасая их от голода.

Подростки работают в поле, занимаются скотиной, а в свободное время их учат. Учитель поначалу был собственно один — Александр Федорович, а жена его, Ольга Михайловна, — заведующая по хозяйству. Потом еще прибавились помощники.

В колонии, кстати, учится сестра будущего режиссера Всеволода Пудовкина — Маруся, по прозвищу Буба. А самого Пудовкина звали Лодя. Он был тогда еще химик. Они сойдутся с Луговским и все 20-е будут дружить взахлеб. Потом — расстанутся и напрочь забудут о юношеском приятельстве.

Владимир время от времени ездит к отцу в Сергиев, вроде как навестить родных, но еще и с новой целью. Неподалеку стоит туберкулезный санаторий, и у него начинается бурный роман с дочерью врача. Дочь зовут Тамара Эдгаровна Гру-

берт. Имя, словно созданное для поэзии и посвящений.

Она и войдет в поэзию: станет женой и другом Луговского. И матерью его первой дочери.

В 19-м Луговской сочиняет, как приговоренный, стихи: ночами, еле успевая записывать... Что-то из стихов тех лет будет прочитано давнему знакомому отцу — Валерию Брюсову, что-то — Константину Бальмонту, еще жившему в России... Ничего из этих стихов не будет опубликовано.

Но несколько строф сохранилось. Вот строки от 15 мая 1919 года: «И волк серый рыщет, и половиц свищет, / И бьется в кольчугу стрела. / На миг... и вот сеча в звериной отваге / На дальнем безвестном пути. / Старинные песни, суровые саги / Опять закипели в груди».

Так и кипели — пока однажды не выплеснули за край.

Пролечив все последствия сыпного тифа, Луговской устраивается в милицию и получает должность младшего следователя при Московском уголовном розыске. Участвует в разгроме Хитровского рынка, который стал фактически государством в государстве: сеть притонов и бандитских хаз вступила в противостояние с милицией и новой Советской властью. Луговской несколько раз мимолетно участвует в погонях и перестрелках. Хитровка задаят и рассеют.

Во время очередного заезда в Сергиев Посад родные с удивлением замечают, что Владимир хоть старше местных курсантов всего на два года, а выглядит и ведет себя так, будто разница между ними просто непреодолима. Опыт! И кобура на боку.

Девушки буквально повизгивают, когда Луговской рассказывает то про Западный фронт, то про бандитов с Хитровки.

Он поступает в Главную школу Всевобуды, оаканчивает ее (там, на выпускном звучит курсантская венгерка — из которой потом вырастет классическое стихотворение Лугов-

ского) и переходит в Военно-педагогический институт.

В 1921 году институт окончен; дальше — пехотные курсы и политотдел ВУЗ Западного фронта.

Луговской становится профессиональным военным и проходит полный круг должностей: от курсанта до командира и политработника.

В феврале 1921 года инструктор Красной Армии Владимир Луговской пишет из Смоленска своей Тамаре: «...Великое слияние со смертью и природой нужно почувствовать, что ты и мастодонт, бешено ревуший миллионы лет тому назад, одно и то же проявление радостной могучей жизни, но жизни, которая сменяется и мешает меньшей жизни, обособившейся от нее, залезшей в скорлупу своего «я», где ей тепло и тесно. А если по чьей-то скорлупе и ударит судьба железным кулаком, то как больно делается этому жалкому «я» и каким холодным кажется мир, когда оно вылепляется из осколков этой скорлупы. А Великая жизнь несется, гремит, кидает миры, носит кометы».

Он желает растворить свое «я» внутри «Великой жизни», чтобы вместе с ней «греметь» и «нести».

Действительность располагает к таким стремлениям.

В 1922 году Луговской возвращается в Москву и поступает на службу в Кремль: гренадерского роста красавцы актуальны во все времена. Он служит в управлении делами Кремля и в Военной школе ВЦИК. Становится свидетелем последнего приезда Ленина в Кремль.

«Он вышел медленно, но как бы быстро, / Ссутулясь и немного припадая, / Зажав в руке потрепанную кепку. / Он вежливо ответил нам. / Желтел / Огромный лоб болезненно и влажно...» — это из поздних поэм Луговского.

Наконец, в 1924 году — демобилизуется.

В том же году, зимой, он пишет еще сбивчивые, еще юношеские, но уже в чем-то пророческие стихи, проглядывая судьбу свою:

«Год седьмой в тяжелый грохот канул.... / Год восьмой — упорство укреплю», — Луговской отсчитывает свое бытие от года революции, — «Но судьба змеящимся арканом / Мне на горло кинула петлю <...> Каяться мне вовсе не пристало. / Прошлое бесчестить — не хочу. / Сам я сапогом давил усталым, / Сам уподоблялся палачу. / А теперь оправдываться странно, / Жизнь ведь к обвиняемым строга. / Многие твердили мне пространно, / Что свалюсь я к чорту на рога. / Поздно поворачивать обратно, / Мир на повороте отупел. / Нужно погружаться троекратно, / В новую холодную купель».

Стихов им написано множество, но как главную профессию Луговской поэзию еще не воспринимает. (Он так и работает в политпросвете до 1928 года.)

Отец, самый строгий его читатель, публиковаться ему пока не велит: сын слушается. На фронт — без спроса, а в литературе отец не оспорим.

Александр Федорович умер 3 мая, на 51-м году жизни, 1925 года. Во сне.

Сын был с молодой женой Тамарой. Был в этом... в Загорске — за ними послали.

Когда приезжает — проходит в комнату, находит на полке Блока — и читает отцу: «Боль проходит понемногу / Не навек она дана...» И следом — Некрасова: «Уснул, потрудившийся в поте! / Уснул, порабатав в земле! / Лежит, непричастный заботе / На белом сосновом столе...»

В этом, кажется, есть не только глубокое трагическое чувство, но и некая аффектация. У Луговского эти вещи часто будут смешиваться. Или мы сейчас незаслуженно строги и не видим действительной высоты горя?

На гражданской панихиде в школе и жена, Ольга Михайловна, педа — пушкинский романс на музыку Бородина: «Для берегов отчизны дальней...»

Хоронили на Алексеевском кладбище. Когда священник отпевал покойного, сын, не дав закончить панихиду, встал у гроба и еще прочел из Блока. Отец, наверное, не рассердился бы на это — искусство и было религией для него.

Своей смертью Александр Федорович будто вытолкнул сына в поэты: теперь можно, теперь ты за старшего, теперь ты совсем один и отвечаешь сам.

Владимир Луговской дебютирует в «Новом мире». В десятой книжке за 1925 год выходит одно, одобренное самим Луначарским стихотво-

рение, которое Луговской потом не публиковал:

«Хотел я жить, ползти и падать первым / В пальбу, в теплушку, в рыжие года».

И главное:

«А завтра мне... А завтра за расплатой — / Осенний фронт шинелью подметать».

Сам напрашивался на эту расплату с первого же выступления в печати...

Продолжение читайте
на нашем сайте
www.portal-kultura.ru

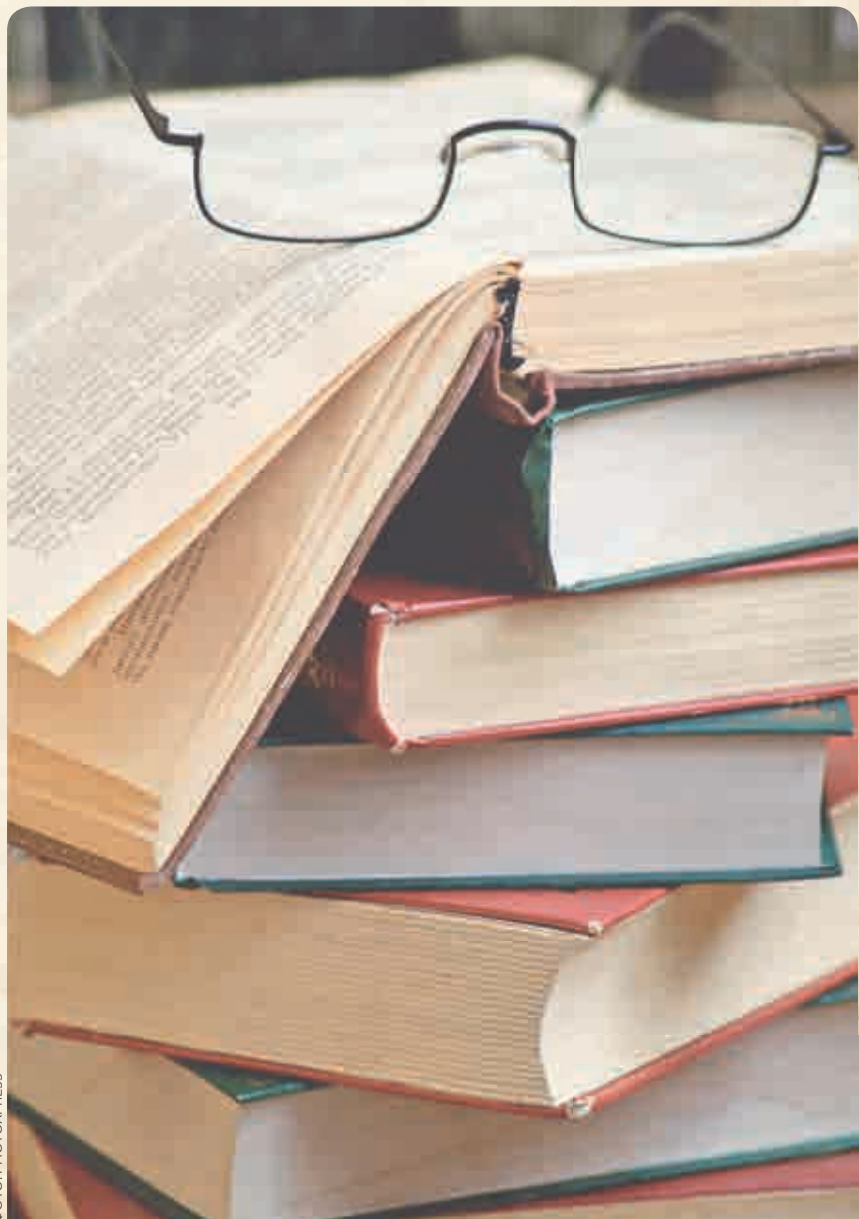

ФОТО: PHOTOPRESS

Загадки «Толстоевского»

Дарья Ефремова

Русская литература, сложная и самобытная, «экспортировала» не колоритные сказки — философские системы. Удивительно, но факт: для наиболее просвещенных иностранцев особенно близкими стали даже не европейцы Бунин и Набоков, а Толстой и Достоевский, поднимавшие в основном сугубо национальные вопросы. И если Федор Михайлович стал властителем дум в западном мире, то Лев Николаевич совершил невозможное — научил некой свойственной ему мудрости Большой Восток.

«**Н**ЕТ ДРУГОГО такого талантливом и ученом человека, такого аскета, как граф Толстой, — писал в 1905 году Махатма Ганди. — Ему уже около восьмидесяти лет, он бодр, деятелен и сохранил всю силу своего интеллекта». Здоровое долголетие в понимании Ганди — это, конечно же, не только результат счастливой генетики. Скорее — награда за «упорство в истине». За альфу и омегу концепции активной добродетели, адептом которой был Махатма. «Толстой — самый правдивый писатель нашей эпохи, — утверждал он, произнося речь перед молодежью к столетию со дня рождения русского классика. — Он никогда не пытался скрыть правду или смягчить ее. Он возвещал ее миру во всей полноте без увиливаний и компромиссов, без всякого страха перед земной властью». Описывая толстовский подвиг самоотречения, Ганди охотно пересказывал биографию своего кумира. Немного наивно, в духе профанических притч о житиях святых: «Толстой родился в знатной семье... Его родители обладали огромным богатством, которое он унаследовал. Подобно другим дво-

рянам, предавался радостям жизни, любил женщин, пил вино и много курил. Однако, когда он увидел кровопролитие и ужасы войны, душа его исполнилась жалости и сострадания. Он отказался от богатства и стал жить жизнью бедных людей, проводить все свое время в труде и молитве».

Небогатый разночинец Достоевский поводов для красивых легенд (во всяком случае, непротивленцам) не давал — был связан с радикальным кружком петрашевцев, приговорен к смертной казни, которую заменили каторгой. Освободившись, начал играть. Автор «Преступления» и «Записок из подполья» сделал для европейского читателя открытие, предвосхитившее теории Юнга и Фрейда, искания Сартра и Кьеркегора. Он описал двойственность человеческой природы, с ее стремлением к хаосу, страданию, духовной нищете, свойственным в той же мере, что и высокие порывы.

«Ко мне приходят студенты, «знающие» про Достоевского только то, что он, кажется, написал «Войну и мир», — рассказывает американский славист, преподаватель Колумбийского университета Дебора Мартинсен, — но все меняется, когда я читаю «Записки из подполья». В образе отставного коллежского асессора, закрывшегося от мира в дрянной комнатухе, многие видят себя. Страх «живой жизни», ощущение несостоятельности и даже ущербности перед «нормальными людьми», неверие в глубокие дружеские отношения, тоска по иллюзорному идеалу, понимание бесплотности мечтаний, — эти чувства узнаваемы».

«С Федором Михайловичем, любившим парадоксы в жизни и в творчестве, тоже произошел парадокс. Будучи самым национальным из всех русских классиков, он стал «своим» во множестве стран мира, — говорит доктор филологических наук, вице-президент российского Общества Достоевского Карен Степанян. — Когда несколько лет назад мне довелось с группой отечественных достоевистов побывать в Бразилии, с удивлением узнал, что в стране футбола и самбы самый читаемый из всех иностранных писателей — Достоевский. Сейчас готовится уже второе собрание сочинений на португальском, а огромный актовый зал университета в Сан-Паулу во все дни наших выступлений был забит до отказа. Объяснить такую популярность, думаю, можно не только толстовскими словами — «чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее», но и тем, что Достоевскому удалось вместить в повествования о «русских мальчиках» (главным героям его романов примерно 23–26 лет) проблемы всего мира. Что же касается мировой популярности Льва Толстого, то она, непередаваемо огромная в первой половине XX века, на мой взгляд, стала убывать. Идея непротивления злу насилием (а именно это и было одной из главных тем в его скрытой полемике с Достоевским) как пути к социальной гармонии, похоже, не выдерживает испытания временем. Расовые, религиозные, межнациональные,

М.Ф.А. ПЕТРОВА «СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА»

классовые антагонизмы никуда не ушли. Очевидно, для разрешения их требуются иные методы, ведущие, скажем так, к преобразению человека».

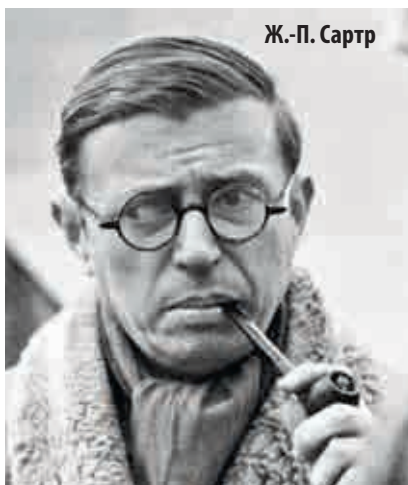
«Достоевский и Толстой в равной мере велики, — утверждал переводчик Толстого в Китае, публицист Цюй Цюбо. — Они, открывшие чудную страницу в истории мировой литературы, не могут принадлежать одной России».

С этой мыслью соглашались многие, в том числе поэт, переводчик Шекспира Бянь Чжилин: «Если Шекспир — величайшая из вершин драматургии, то Толстой — самое глубокое и самое необъятное море в океане художественной прозы. Из всех писателей-романистов мира прошлого и настоящего, пожалуй, только он один заслуживает этого образного сравнения... Писатели Китая должны и впредь учиться у Толстого его гуманизму — умению ненавидеть зло и любить добро. Они должны учиться у него глубокому проникновению в жизнь, умению создавать широкие жизненные полотна, литературному стилю, языку, полнокровному, как река Янцзы».

«Толстой оказал влияние на всех представителей новой литературы, — отмечает редактор китайского перевода «Анны Карениной» Ба Цзинь. — Все хотят овладеть его шириной и глубиной, однако это никому не удастся... Кажется, что я знаком с его героями, и, хотя они иностранцы и люди другой эпохи, — они, словно живые, стоят передо мной, говорят со мной на понятном мне языке...»

Правдивость, откровенность, острота в раскрытии социальных противоречий — эти черты в прозе и Толстого, и Достоевского отмечают практически все иностранцы.

«Сначала были русские, потом все остальные. Но долгое время только русские», — писал Эрнест Хемингуэй. Чтение романов Толстого, по признанию американского классика, дало ему возможность

Ж.-П. Сартр

А. Камю

убедиться, насколько у Толстого или Чехова выходит иначе и лучше то, чему старались учить Стайн и Джойс.

Как известно, эстетическим кредо Толстого был принцип абсолютной жизненной правды. «Невозможно человеку писать, не проведя для самого себя черту между добром и злом», — рассуждал Лев Николаевич, полагая, что нравственность художника влияет на качество произведения. Схожим образом мыслил и Хемингуэй. «Правда для него — есть красота, — отмечал переводчик, литературовед Иван Кашкин, — а некрасиво... все неестественное — неженственность в женщине, немужественность в мужчине; все робкое, трусливое, уклончивое, не-

честное. Красота для Хемингуэя — это красота земли и воды, рек и лесов, профессионального умения, четко действующей снасти, красота чистоты и света. Это красота старых моральных ценностей: простоты, честности, мужества, верности, любви, труда и долга художника».

В наследии Достоевского современные западные слависты видят нечто большее, чем уроки морали — говорят о металитературных пластах. Например, что черт в «Братьях Карамазовых» — продукт бессознательного Ивана. Он связан с фигурой отца, Федора Павловича. А поскольку дьявол лжив, то и ведет себя так, словно он и есть совесть Ивана. Другой пласт в творчестве Достоевского и вовсе выходит за границы фрейдизма, поскольку разрушает границы между читателем, писателем и текстом, — такова сила «морального эксгибиционизма» его персонажей, поражающего бесстыдством, сметающего все межличностные границы.

«Раньше американская литературоведческая школа считала Достоевского реалистом, — продолжает Дебора Мартинсен, — но сейчас от этой трактовки отказались. Психологизм и реалистичность сочетаются с фантастичностью, недосказанностью. Таким образом, писатель приглашает нас в соавторы».

«Достоевский всегда предоставлял свободу читателю — замечать или не замечать его авторскую позицию, — утверждает Карен Степанян, — и каждый видит в нем свое. В минувшем веке иностранцы считали его изобразителем безысходности и трагизма одинокого человеческого существования — большинство хрестоматий по экзистенциализму открывались «Записками из подполья». Либо же воспринимали его произведения как свидетельство загадочности, дикости и непостижимости «русской души». При этом закономерно тяга и влечение соединялись с

настороженностью и страхом: все, что непонятно, вызывает страх. А непонятными казались в первую очередь готовность героев Достоевского жертвовать всем личным и даже жизнью ради высшей истины, опора самого писателя на христианские ценности, стремление оценивать и людей, и исторические судьбы государств, и нации, и расы главным образом с точки зрения вечности. Поэтому для собственного спокойствия постоянно делались и делаются попытки то обличить Достоевского в лицемерии (был в глубине души неверующим циником, а в творчестве притворялся), то обвинить его в тоталитаризме, шовинизме, антисемитизме... И даже вовсе списать его в «архаику».

По мнению эксперта, у проблемы Достоевского в мировом масштабе есть и другой аспект. Он больше других русских классиков связан с великой мировой литературой: «Достаточно открыть практически любое сочинение Бальзака, Гёте, Шекспира — и найдешь сходство персонажей, мучающих их проблем, ситуаций, сюжетных колли-

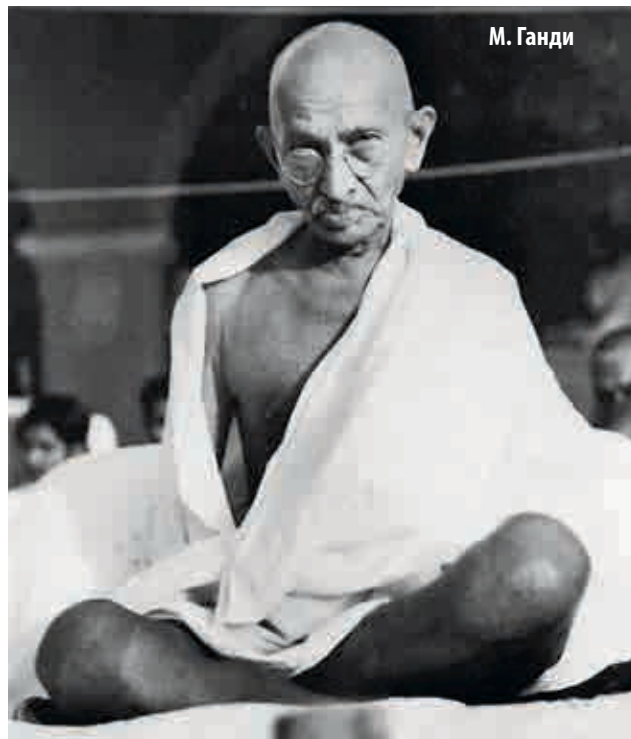
зий. Существует даже мнение, достаточно популярное (увы, больше у нас), что Достоевский заимствовал все у предшествовавших европейских мастеров и лишь придавал этому «национальный колорит». Но, кроме недостаточной глубины мышления, сторонники такой точки зрения ничего не представляют. Достоевский был гигантом, стоявшим на плечах других гигантов. Он отвечал на вопросы, поставленные его великими предшественниками. Благодаря тому, что существует роман «Идиот», мы создаем весь трагизм «Дон Кихота», долгое время считавшегося веселым чтением. Трагизм — неизбежный, когда человек пытается взять на себя роль Спасителя мира. Одна из главных проблем, которую пытался решить Шекспир в своих великих трагедиях, — показ преображения человека, победы над смертью, воскресения. Однако его героев «хватает» в лучшем случае только на признание собственных ошибок и раскаяние. Бился над такой художественной задачей и Достоевский — и разрешил ее в литургическом финале «Братьев

Карамазовых». Сколь ни велика была любовь Федора Михайловича к Бальзаку и восхищение им («Его характеры» — произведения ума Вселенной», — писал молодой Достоевский брату), но с годами он все лучше понимал: свойственное Бальзаку видение конфликта личности с обществом как главной проблемы нашего бытия не объясняет всей правды мироздания. И поэтому записывал в рабочей тетради: «Реализм есть фигура Германна, а не Бальзак».

Толстой и Достоевский, мечтавшие о знакомстве, так и не случившемся при жизни, встретились в мировом художественном сознании. Отчасти даже «слились» — не зря же появился штамп «Толстой-евский». Пьер Безухов, Наташа Ростова, Сонечка Мармеладова, Макар Деушкин — яркие образы, созданные во имя торжества духа. Но если герои Толстого цельны и верны себе на фоне происходящих с ними событий, то Достоевский, наоборот, заставляет пройти перед преображением инициацию — моральным падением, унижением, стыдом.

Э. Хемингуэй

М. Ганди

Д. Белюкин. «Белая Россия. Исход». 1992–1994

Везли с собой лишь книги да иконы

Елена Чавчавадзе

Встречаясь с представителями первой волны нашей эмиграции и их потомками в Югославии в начале 2000-х, мы, творческая группа Российского фонда культуры, благодарно приняли из рук замечательной русской женщины А.М. Анненковой ценную библиотеку. Ее наши соотечественники собирали трепетно, любовно, на протяжении многих десятилетий — с того момента, как югославская земля приняла из охваченной братоубийственной войной России первых беженцев.

ВРУЧАЯ нам этот подарок, Алла Митрофановна произнесла душевную, проникновенную речь:
— Мы — потомки старой России, чьи родители покинули свою Родину, Русь, в тяжелые годы революции. Здесь, на чужбине, они воспитали нас в русском духе. Их завет для меня и таких, как я, всегда звучал так: «Люби Родину, люби Русь, не забывая, что ты

русская». Нельзя стыдиться своих предков, надо гордиться ими и беречь свою русскость. Ушли наши родители в лучший мир, но оставили нам самое дорогое, что у них было — русский дух, русский язык, богатую русскую культуру, русскую литературу. Теперь передаю вам, в русские руки, бесконечно любимые книги. Пусть каждый, читая их, вспоминает историю, русскую быль, знаменитых наших летописцев, героев, художников — все, чем богата была, есть и будет наша Русь.

Среди томов библиотеки немало изданий, представляющих интерес для музейщиков, букинистов, собирателей книг и просто заядлых библиофилов. Но главная ее ценность не в этом. А в чем же? На этот вопрос кратко и в то же время вполне исчерпывающе ответила тогда сама дарительница:

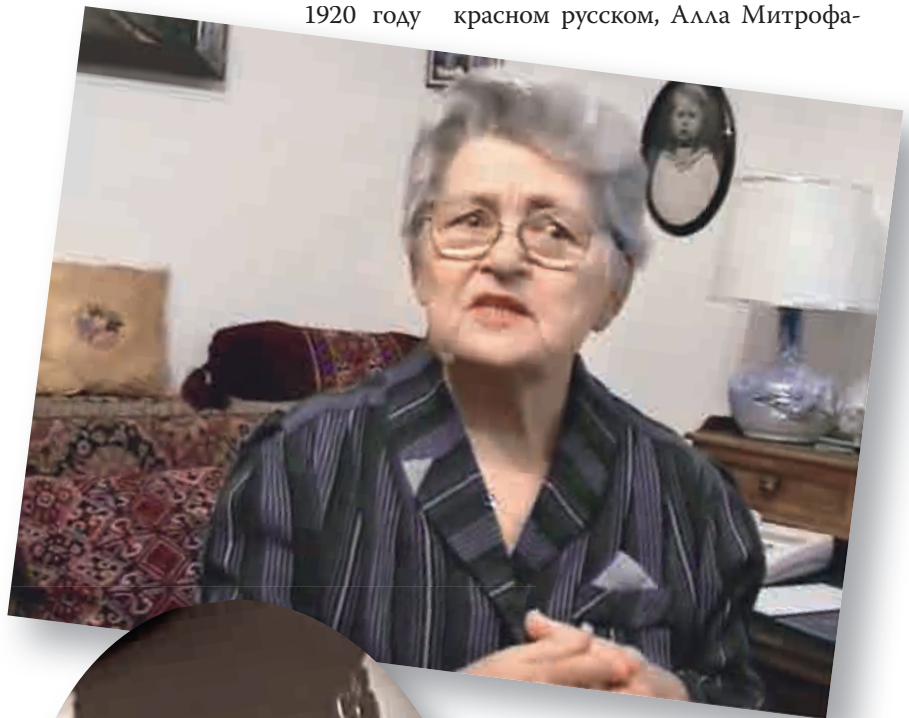
— Это частичка российской истории, причем самого трагического ее периода. Связанного как с Гражданской войной, так и с жизнью наших соотечественников в изгнании. Часть книг была привезена сюда, в Югославию, теми, кто вынужденно покинул Родину, — русскими офицерами, кадетами, их родными и близкими. Очень символично и показательно, что эти люди взяли с собой на чужбину, как главное богатство, дорогие для них книги. И, конечно, иконы... Иконы и книги — вот основной багаж, который везли из России русские люди. Кстати, почти все хранящиеся у меня образа были когда-то доставлены сюда с Родины. Другая часть библиотеки представлена книгами, которые были вновь изданы, либо переизданы русскими здесь, в стране, которая в те времена называлась Королевством сербов, хорватов и словенцев. Это духовная, философская, историческая, публицистическая литература, научные труды, книги по искусству, проза, поэзия... Абсолютное большинство изданий составляют те, которые в советской России были обречены в лучшем

случае на забвение. Книгопечатание в Югославии в период между двумя мировыми войнами переживало настоящий бум. Разумеется, благодаря русским эмигрантам...

Алла Анненкова родилась в 1922 году. Ее отец, Митрофан Дмитриевич, родом из Курска. Мать, Антонина Васильевна, урожденная Кирсанова, — из Воронежа. В Гражданскую оба были на фронте. Он воевал в чине подпоручика, она служила сестрой милосердия. К 1920 году

по морю эмигрировали. Это удивительно — встретить за рубежом с виду обычную даму преклонных лет, никогда не жившую (во всяком случае, долго) в России и при этом отменно говорящую по-русски. К тому же очевидно склонную к литературному творчеству на языке исторической родины.

— Моя мама в плане литературных способностей была на голову выше меня, — явно поскромничала, отвечая на вопрос о ее прекрасном русском, Алла Митрофа-

А.М. Анненкова. 2002

А.В. Анненкова. До 1920 года

основные сражения между красными и белыми перемещались на юго-запад России. Так Анненковы сначала оказались в Крыму, а затем

новна. — Она писала хорошие стихи, изысканно выражала себя в письмах. Хотя, смею надеяться, родители и меня научили неплохо говорить по-русски, а главное, привили любовь к русской истории, нашей национальной культуре.

Когда сюда приезжали туристы из Советского Союза, мне порой их речь представлялась какой-то неправильной, неестественной что ли... Позже, когда Союз уже распался, отправилась в Россию

Барон П. Врангель среди друзей и соратников в Югославии

и услышала там комплимент: «Вы говорите пушкинским языком». Конечно, слышать такое было очень приятно... Есть у меня одна знакомая сибирячка, физиотерапевт. В свое время вышла замуж за серба, потом они развелись, и эта женщина какое-то время жила в моей квартире. Разговаривает она на каком-то странном смешанном диалекте, то есть правильно не говорит ни по-сербски, ни по-русски. Как-то высказала ей: «Галя, ты русская или кто? Неужели забыла родной язык? Как ты вообще могла его забыть? Я тут всю жизнь прожила, но говорю по-русски нормально, а почему ты свою речь так исковеркала?»

Практически образцовое русскоязычие собеседницы выглядело вдвойне похвально оттого, что она, в отличие от многих девушек из русских семей в Югославии, в «эмигрантских» учебных заведениях не

Могила Врангеля в церкви Святой Троицы в Белграде

обучалась вовсе. Начальную школу окончила в обычном интернате, в одном из городов Словении. Затем семья переехала в Белую Церковь, где находился эвакуированный Мариинский Донской институт. Именно там получали необходимые для дальнейшей жизни знания и навыки молодые дамы русского происхождения.

— Мне туда поступить не довелось, — посетовала Алла Митрофановна. — Наши материальные возможности были, в общем-то, весьма скромными. К тому же дальнейшая судьба института (уже шла Вторая мировая война) была под большим вопросом, и его начальница Наталья Духонина рекомендовала моей маме определить

меня в сербскую гимназию. Когда я там отучилась, шел 1941 год. Мариинский институт к тому моменту действительно закрылся. И все же от недостатка образования я, как мне кажется, никогда не страдала. Благодаря маме много лет постигала великолепную русскую литературу, великую русскую историю. Вспоминается в связи с этим такой любопытный эпизод: мама умудрилась привить любовь к России и всему русскому одной молодой хорватке, помогавшей нам по хозяйству. Та, изначально католичка, приняла православие, выучила русский язык, и мы через какое-то время могли вполне свободно общаться с ней по-русски.

Впервые Алла Анненкова вместе с мамой сумела выбраться на историческую родину в 1964 году, когда потеплели отношения между СССР и титовской Югославией. Побывали, в частности, в Тамбове, где жила в то время старшая сестра Антонины Васильевны — Александра.

— Это была невероятно трогательная встреча. Тетя Шура то и дело водила руками по лицу матери, будто никак не могла удостовериться в реальности происходящего. Ведь со времени их расставания минули многие десятки лет... Когда-то тетя так же, как и мама, служила сестрой милосердия на фронтах Первой мировой. Но у нее не было возможности эмигрировать. Тетя Шура смогла побывать у нас в Югославии «с ответным визитом» тоже в 1960-е... Когда думаю о том, как нас, русских, разбросала в свое время судьба, очень грустно становится. Россия без всех этих войн и революций могла быть сказочно богатой, наверное, самой богатой страной в мире. Во всех смыслах. Уже после распада СССР я немного поехала по России в составе группы, как мы тогда называли, «паломников». Побывала на Байкале. И знаете, что на меня произвело самое сильное впечатление? В каком-то маленьком селении, в

сельской школе я увидела на стене огромный портрет Николая II. Даже мурашки по коже побежали. В сибирской глуши — портрет императора Николая Романова!.. В этом, наверное, был некий особый знак. Все доброе, что когда-то существовало в России, а потом по каким-то причинам оказалось

**Книгопечатание
в Югославии в период
между двумя мировыми
войнами переживало
настоящий бум.
Разумеется, благодаря
русским эмигрантам...**

утраченным, рано или поздно вернется. Мои родители с первых дней эмиграции в это верили. Когда они очутились здесь, у них с собой не было ни ложки, ни ложки, но это их совсем не беспокоило. Они, как и многие их братья и сестры по несчастью, отчего-то полагали, что уже через несколько месяцев вернуться в Россию.

Алла Митрофановна с грустью сообщила, что из всех Анненко-

вых, некогда покинувших Родину, и их потомков она, по-видимому, одна осталась на гостеприимной земле Югославии. Давно покинули мир живых все ее близкие — мать, отец, младший брат Николай, получивший образование в эвакуированном Крымском кадетском корпусе. И уже много лет она, регулярно навещаясь из югославской (теперь — сербской) столицы, навещала их могилы на русском кладбище в Белой Церкви. А еще в этом маленьком сербском городке она каждый год покупала к Пасхе на базаре «настоящий творог, а не тот, что продают в Белграде».

— Я очень люблю заварную сырную пасху и всегда делаю ее сама. Меня еще мать когда-то наставляла: «Заварная пасха может неделю стоять, как свежая, а обыкновенная сырная пасха портится очень быстро».

На прощание Алла Митрофановна пожелала всяческих успехов в нашем начинании — возвращении в Россию когда-то вывезенных из нее духовных и культурных ценностей — и без особой патетики в голосе произнесла:

— Россия — выносливая, она все трудности, все напасти выдержит. И станет еще крепче.

Воспитанницы Мариинского Донского института в Белой Церкви. 1920-е

Записки охотника

С. ПОТАПОВ. «РУССКАЯ ОХОТА»

По следу Хоря и Калиныча

Михаил Булгаков

Первостепенное значение в жизни человека охота утратила лишь в последние, сравнительно сытые столетия. В первом своде законов Руси — «Русской Правде» Ярослава Мудрого — ей был уделен целый раздел. В течение нескольких последующих веков в наших письменных источниках она фигурирует фрагментарно. Например, в «Поучении» Владимира Мономаха или в свидетельствах о царских охотах. Имеются упоминания и о том, что во время похода на Казань войско Ивана Грозного кормилось охотой на диких зверей, а также рыбной ловлей.

ПЕРВЫМ подобным литературным произведением на русском языке стал «Урядник сокольничья пути» (1656), приписываемый страстному охотнику царю Алексею Михайловичу. Набожный монарх, помимо государственных дел, немалую часть жизни посвящал странствиям и богомолью. Но едва ли не больше времени он проводил на охоте с ловчими птицами. С особым тщанием вел охотничий дневник и предмет знал досконально.

В первой половине XVIII века в обиходе появились рукописные книги по ведению псовой охоты. Три из них дожили до наших дней. Две хранятся в Российской национальной библиотеке, одна — в частном собрании. Лишь в 1766 году в России появилась первая печатная книга для охотников (с посвящением графу Григорию Орлову) — перевод с немецкого трактата под названием «Наставление человеку, упражняющемуся в охоте, и разговор двух приятелей — пустытника и лесолюбца о предметах, касающихся охоты». В XVIII веке было издано семь подобных книг и около двадцати — в первой половине XIX столетия.

Пушкин охотником не был. Почему он, наделенный взрывным темпераментом, к этому делу не пристрастился? На содержание псовой охоты — повального увлечения русского дворянства — у него не доставало ни денег, ни времени. Тем не менее в отъездем поле с борзыми и гончими он бывал многожды, поучаствовал в травле зайцев и лисиц. Охота нашла отражение не только в «Графе Нулине» и «Дубровском», но и в бесчисленных стихотворных пейзажных зарисовках, эскизах.

Все кардинально изменилось в нашей охотничьей литературе после того, как в 1846 году появились два изящных томика под названием «Псовая охота» Н.М. Реутта. Николай Некрасов тотчас

откликнулся на это событие одноименной поэмой, а в качестве эпиграфа выбрал цитату из книги Реутта: «Провидению было угодно создать человека так, что ему нужны внезапные потрясения, восторг, порыв и хотя мгновенное забвенье от житейских забот; иначе, в уединении, грубеет нрав и вселяются разные пороки».

Н. ДМИТРИЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ. «И.С. ТУРГЕНЕВ НА ОХОТЕ». 1879

«Записки охотника» накопились в течение десяти лет, — писал Тургенев, однако рассказ «Хорь и Калиныч» появился в некрасовском «Современнике» уже в 1847-м. И попался на глаза Сергею Аксакову. Тот не мешкая поделился своим новым замыслом с Гоголем: «Если... я проведу эту зиму в деревне, то начну писать другую книгу — «Об охоте с ружьем». С двенадцатилетнего возраста до тридцатилетнего я был предан охоте страстно, безумно...»

Таким образом, время рождения охотничьего жанра в русской художественной литературе известно — 1846–1847 годы. Все наши писатели-охотники следовали примеру Тургенева и Аксакова с их «Записками». Одного — Тургенева — именовали «первым охотником России», другого — «патриархом русской охоты».

Детство «патриарха» прошло в дедовском имении Ново-Аксаково под Уфой. Грибы и ягоды, рыбалка прямо под окном, ловля бабочек и певчих птиц, плавное течение жизни... Когда Сережа Аксаков первым выстрелом сразил ворону, а на следующий день — утку и двух куликов, удочка, ловчий ястреб и перепели-

И. КРАМСКАЯ. «ПОРТРЕТ С.Т. АКСАКОВА». 1878

ные дудочки с сетями тотчас были забыты. Мальчик не расставался с ружьем целыми днями, а ночами продолжал грезить охотой. Мать поначалу здорово сердилась, требовала выбросить из головы блажь, забыть про куликов и уток, но в какой-то момент отступилась.

Еще ребенком Аксаков проштудировал немецкое руководство «Совершенный егерь» (в переводе Василия Левшина). Книга — почти средневековая, наполовину «фантастическая», но Сережа выучил описания птиц, а после стал вести свои охотничьи записки. Спустя почти полвека, наткнувшись на детские дневники, он задумался. Охотничьи забавы остались далеко в прошлом, о рыбной ловле он уже рассказал все, что знал, в «Записках об ужении рыбы». И тут как раз подвернулся «Хорь и Калиныч»...

Домашнее чтение отрывков из будущей книги и похвалы слушателей укрепили Аксакова в желании довести замысел до конца. На рукопись ушло три года. Сомнения и недовольство написанным беспрестанно одолевали Сергея Тимофеевича, он боялся «как огня стариковской болтливости». Более всего пробуждению литературного таланта в Аксакове способствовал Гоголь. Наслушавшись устных рассказов старого охотника, тот «подстрекал» его взяться за перо.

«Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» вышли в начале 1852 года, хронологически опередив на полгода появление «Записок...» Тургенева. Иван Сергеевич не испытывал приступов ревности и откликнулся в печати одним из первых, по-

содействовав триумфу Аксакова: «Такой книги у нас еще не бывало», «Если бы тетерев мог рассказать о себе, он бы, я уверен, ни слова не прибавил к тому, что о нем поведал Аксаков», «Критиковать нечего или почти нечего».

Книга разошлась с небывалой быстротой. Уже в сентябре 1852-го Аксаков подготовил второе издание. Последовали новые похвалы — от Некрасова, Чернышевского, Вяземского, еще одна восторженная рецензия Тургенева в «Современнике». Анненков указал на «сладостную русскую речь» Аксакова. Старик был смущен и счастлив, а в ответ на просьбы раскрыть «секрет» литературной удачи сослался на Бога, собственную искренность и добрые помыслы.

Некоторая парадоксальность аксаковских «Записок» в том, что их страницы, исполненные любви к животным, написаны охотником. Автору удалось облечь в простую, но по-настоящему художественную форму незамысловатые наблюдения над окружающим миром, превратить описания природы в «пейзажную живопись». Не прав тот, кто в видимой простоте этих картин не замечает искусства, не чувствует в маленьких новеллах о птицах своеобразного поэтического ритма. Сам Аксаков об авторе «Записок» говорил отстраненно: «Это литератор, прикидывающийся простяком». Родной язык он знал превосходно и умело им пользовался, избегая литературных зави-

А. ДЕГТЕВ

Т. Данчулова.
«Охота на медведя»

тушек, риторики и морализаторства. Книгу долгое время рекомендовали студентам на факультетах как естественных наук, так и словесности.

Полтора века тому назад во взаимоотношениях человека и природы острых проблем не существовало (за вычетом разрушительных катаклизмов). Тем интереснее узнать, что звери и птицы для Аксакова были не столько мишенью для выстрела, сколько объектом для познания мира. Вот как трактовал философию своей страсти сам писатель: рыбная ловля и охота воспитывают в человеке благородные чувства, закаляют его волю, характер, сближают людей не только с природой, но и между собой и, таким образом, способствуют некоему духовному оздоровлению общества. Заявление для нынешних моралистов более чем сомнительное, но во времена Аксакова оно ни малейших споров не вызывало.

Если нынче, не взглянув на обложку какой-то современной книги, раскрыть ее на любой странице и попытаться назвать имя автора, то задача окажется невыполнимой. Иное дело — проза Аксакова. Ее язык, стилистические особенности проступают в каждой фразе, и спутать их с почерком другого мастера невозможно. Подобные произведения уже никем не будут написаны: навсегда утрачено мироощущение человека, чувствовавшего себя неотъемлемой частью мироздания, умер и сам язык равноправного общения с природой. Но в XIX веке влияние аксаковской литературной эстетики было велико, и появилась целая плеяда его последователей.

Аксаков повесил ружье на стену задолго до своей кончины. У Тургенева сложился охотничий кружок из коллег помоложе — Некрасова, Фета, Островского, Льва Толстого, а также художника Соколова

Тургенев, в отличие от Аксакова, родился в срединной России, хотя тогдашний усадебный быт мало чем отличался в разных уголках России. Даже после того как родители купили дом в Москве, летние каникулы ученик Тургенев непременно проводил в Спасском. Его воспитанием занимался дядя, признанный в округе знаток лошадей и охотничьих собак. Дядя Николая стал прототипом добродушного помещика Чертопханова в «Записках охотника».

Мать Вани, прежде смотревшая на охотников как на лоботрясов,

вдруг прониклась увлечением сына и даже получила огромное удовольствие во время травли зайцев собаками. Во время путешествия сына по Европе она, дразня, постоянно подогревала его интерес к охоте в письмах: «Ты так засмотрелся чужеземных видов, что мы не видим в тебе более охотника... Наняли двух егерьей. Наполь твой очень

похудел, но, верно, будет славная собака. Да только не могу ласкать, слюняв очень... По нас дело другое грустить, а по России грустить, любуясь на Швейцарию, это видно, что ты конопляничек — домосед... Слышал ли ты где выстрел? Твоя любимая охота была охотиться. А мы-то, по милости твоего Наполя, в дичине можно бы зарыть не только нас, а и Спасский домик. Я тебе писала, что дичины было и есть даже в самом Спасском». После страшного пожара в имении сгорело почти все добро, уцелело немного, но мать спешила обрадовать сына в письме, что его любимое ружье спасли, вынесли из огня.

Молодой Тургенев, вернувшись из Европы в Россию, несколько лет не расставался с ружьем и собакой, в охотничьих скитаниях вынашивал сюжеты своих первых рассказов.

В его творческом наследии множество романов и повестей, пробовав он свои силы в драматургии и литературной критике, но самая долгая и счастливая жизнь была уготована именно «Запискам охотника». С их появлением начали «охотиться» и за автором. Заманивал под свои знамена Белинский, пытался всучить литературный топор в крепкие тургеневские руки

Некрасов. Славянофилы Аксаковы поспешили обрядить аристократа Тургенева в национальные сермяжные одежды. Однако старший из них еще в 1849 году писал сыну Ивану: «На днях познакомился с Тургеневым, и он мне понравился; может быть, его убеждения ложны или по крайней мере противны моим...» Отношения семейства Аксаковых с Тургеневым могли и вовсе не сложиться, но Сергей Тимофеевич был уверен, что охотник «никак не может быть скверным человеком».

Престарелый Аксаков повесил ружье на стену задолго до своей кончины. У Тургенева сложился охотничий кружок из коллег помоложе — Некрасова, Фета, Островского, Льва Толстого, а также художника Соколова — отличного иллюстратора «Записок охотника». В такой компании, пожалуй, даже противника охоты заставили бы залезть в болото с ружьем в поисках бекасов и дупелей, а затем написать об этом хотя бы рассказ.

Тургенев не стал эксплуатировать излюбленную тему в своих будущих произведениях, однако до смерти был беззаветно предан охоте.

Искушенный читатель легко заметит основное различие между тургеневскими и аксаковскими «Записками охотника». У Тургенева на первом плане не сама охота, а события, так или иначе с ней связанные, а зачастую и весьма отдаленные от нее, хотя главный герой облачен в болотные сапоги и бродит с ружьем по долинам и по взгорьям. У Аксакова же преобладают переживания героя в процессе выслеживания, добычи птицы или зверя, описания их повадок, а все прочее служит фоном.

Аксаковская ветвь дала множество здоровых побегов. К примеру, энциклопедические «Записки охотника Восточной Сибири» (1867) А.А. Черкасова послужили Далю одним из источников при составлении «Толкового словаря русского языка». Более того, эта книга широко использовалась в работе над «Словарем современного русского литературного языка», изданным Академией наук уже в эру покорения космоса.

«Записки псового охотника Симбирской губернии» (1876) П.М. Мачеварианова, «Записки сибирского Немврода» (1880), охотничьи книги Л.Н. Вакселя, Н.В. Киреевского, Н.Н. Воронцова-Вельяминова, Е.С. Прокудина-Горского и других писателей-охотников были написаны под влиянием книги Аксакова. Его последователи малоизвестны среди обычной читающей публики, однако их книги по-прежнему пользуются спросом у читателей-охотников. Им интересно взглянуть на прошлое России, на ее людей и их быт глазами той эпохи.

К «Запискам охотника» аксаковского толка вплотную примыкала специальная охотничья литература, созданная не литераторами, но специалистами. Ее лучшие образцы, например многотомные труды

А.П. Сабанеева, существенно обогатили российскую культуру. Со временем вошел в оборот термин «Деловая проза», в этот раздел входит литература по биологии птиц и зверей, географии их распространения, охотничьему делу, собаководству и оружию.

К специальной охотничьей литературе традиционно относят и соответствующую периодику. Во многих дореволюционных журналах и газетах видное место отводилось охотничьим рассказам, очеркам и воспоминаниям. В толстом сабанеевском журнале «Природа и охота» среди авторов можно встретить самые неожиданные имена — Чехова, Рериха, Хлебникова...

Тургеневская ветвь развивалась не менее бурно. Ее (преимущественно в некрасовском «Современнике») представляли не только вышеупомянутые Некрасов, Толстой, Островский и Фет, но и поэты А.К. Толстой, Л.А. Мей, Н.В. Кукольник, писатели Н.А. Основский, Г.П. Данилевский, Н.С. Лесков, В.М. Гаршин, П.Д. Боборыкин и многие другие.

Следующее поколение заядлых охотников включает в себя отнюдь не менее громкие имена: Мамин-Сибиряк, Чехов, Бунин, Куприн, Шишков, Зайцев... Все они, конечно же, искренне почитали отцов некогда популярнейшего жанра.

А. ДЕГТЕВ

Но ты и дорог мне такой...

Не секрет, что многие песни в XX веке обретали быструю популярность благодаря ярким фильмам, в которых они прозвучали. Но лишь редкие вызывали огромную любовь, передававшуюся через поколения, становились застольными, а значит, и поистине народными. Одна из таких мелодий, созданная Исааком Дунаевским на стихи Михаила Исаковского и Михаила Вольпина, завоевала в начале 1950-го сердца миллионов. Тогда на экраны СССР вышел фильм Ивана Пырьева «Кубанские казаки».

Нынешней зимой отмечают сразу три юбилея: 65 лет со дня премьеры легендарной киноленты, 115 лет назад родились Исаковский и Дунаевский.

История одной песни

Маргарита Морохова

СВЕРКАЮЩАЯ искрами забытого человеческого счастья, полноты изобильной жизни, этакого коллективного русского эдема, киносказка Пырьева стала витамином оптимизма, глотком надежды на иную, несравнимо лучшую судьбу для миллионов соотечественников, которые в нищете и лишениях восстанавливали страну после чудовищной войны. В фильме, обозначенном по жанру как «музыкальная комедия», прозвучало несколько песен Дунаевского на стихи Исаковского в соавторстве с Вольпиным: «Ой, цветет калина», «Не за теми дальними морями», «Урожайная», «Артисты из народа». Все они были по-своему хороши.

Но главной музыкальной темой фильма, его лирической и отчасти сюжетной нитью стала песня «Каким ты был, таким остался». Ее исполняли в разные годы и блестящая советская оперная певица Мария Максакова, и Кубанский казачий хор, и София Ротару, и Елена Ваенга... Да кто только не пел! Трём джентльменам — создателям песни удалось затронуть «женский сердечный нерв» (и при этом «коллективное бессознательное» всего нашего народа) так, что, когда ее бодро запевают за столом женщины, следом подхватывают все — как общую, «внегендерную».

При этом встают перед глазами кадры картины Ивана Пырьева, которую с азартом смотрели и пе-

ресматривали несколько поколений советских людей. Вопреки язвительной, уничижающей критике «интеллектуалов», с конца 1950-х разглагольствующих о «чудовищной сталинской лжи», «ходульном сюжете», «грубом агитпропе» фильма.

Характерно, что уже в наши дни известный режиссер Сергей Соловьев увидел в ленте «грандиозно правдивую энергетику империи». А его коллега Андрей Кончаловский признался: «Во время учебы мы с Андреем Тарковским не выносили Пырьева. А теперь без слез не могу смотреть «Кубанских казаков».

Задуманный режиссером как народный, фильм и стал таковым. Светлые открытые лица, естественный коллективизм и патриотизм, взаимоподдержка, незлой юмор — люди видели на экране такую жизнь, о которой мечтали, и таких героев, какими хотели быть сами. Это была не агитка, но приближение к сокровенному идеалу национальной души, своеобразная «терапия мечты».

Цитаты из фильма вошли в жизнь: «Жаль, шо усов у тебя нет. А женский пол усы любит», «Говорун ты, вижу, складный, говоришь роскошно. Но в мозгу твоём того — даже слушать тошно».

Нельзя не признать, что значительная часть долгоиграющего обаяния пырьевского киношедевра построена на особой «сталинско-державной» и при этом глубинно-народной мелодике, где голос героя не остается один, а всегда подхватывается дружным хором — женским, мужским, общим. Кажется, что в «Кубанских казаках» поют поля и реки, вставляют свои реплики даже зерна на току, красные перцы и сочные кавуны на ярмарке.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

И. Дунаевский

ФОТО: ВАЛЕНТИН МАСТЮКОВ, ВЛАДИМИР САВОСТЬЯНОВ/ТАСС

М. Исаковский

Мастерски построенный зрительный и песенный «заход» к фильму создает неожиданно вместительный, подспудный объем для последующего почти водевильного сюжета. В начале картины, после панорам эпических кубанских просторов, колосющихся спелым житом, веселых комбайнеров и косарей, поющих хором про «урожай высокий», возникают пронзительно лиричные пейзажи убранных полей, на фоне которых казачки спивают старинную казачью песню «Ах, ты поле мое». В оригинале песни, между прочим, есть слова, до которых в фильме по понятным причинам дело не дошло: «Как служил-то я все царю-батюшке / Как рубил и колол врагов родины».

Ну а затем на повозке-бидарке в ход киноповествования врывается главная героиня — председатель передового колхоза «Заветы Ильича» Галина Пересветова, которую сыграла супруга Ивана Пырьева, звезда советского экрана Марина Ладынина. Не задерживается с появлением верхом на коне и главный герой — знатный колхозный председатель Гордей Ворон (актер Сергей Лукьянов). После их разговора зрителям, в принципе, уже все понятно: и что председатели любят друг друга, и чем — после взаимного непонимания и пикировок — закончится эта история. Но

насколько просто и в то же время тонко, нежно излагается сюжет в той самой песне, которую выводит затем Галина, проезжая над рекой! Здесь проявляются и трагическая глубина казачьей истории, и тяжелая память о недавней войне, и открытость русской души, и надежда на простое человеческое счастье.

Несколько раз мелодия рефреном всплывает в закадровой музыке, то есть песня, по сути, пронизывает весь фильм, крепко врезаюсь в память и душу зрителя.

Картина по сценарию Николая Погодина с первоначальным названием «Веселая ярмарка», без преувеличения, стала событием для

Фильм «Кубанские казаки» был не агиткой, но приближением к идеалу национальной души, своеобразной «терапией мечты»

всей страны. Иван Пырьев получил за нее в 1951 году свою шестую и последнюю Сталинскую премию. Актриса Клара Лучко, игравшая в фильме колхозницу, герою труда Дашу, влюбившуюся в парня из «конкурирующего» колхоза, нашла на съемках настоящую любовь и мужа — Сергея Лукьянова. Того самого «казака лихого». Интересно, что, будучи родом из запорожских казачек, Лучко, по собственному признанию, стала — «повторно» — казачкой кубанской. Ведь когда-то основу Кубанского казачьего войска составили именно запорожские (черноморские) казаки, переселенные Екатериной II.

На всю страну прославился советско-миллионер «Кубань», где снимался фильм. В нем, конечно же, не было того довольства и изобилия, которое придумал сценарист. Многие из местных жителей, снимавшихся в массовках, впервые увидели такие «ярмарочные товары»,

как велосипеды, радиоприемники, воздушные шары. Да и ярмарок в те годы на Кубани не устраивалось. Пересветовой–Ладыниной после премьеры фильма начали приходить на «Мосфильм» письма с просьбой взять в чудесный колхоз и обещаниями «очень хорошо работать».

Однако яркая фантазия не была ложью. Создатели фильма отнюдь не стремились к сознательной «лакировке действительности», в чем обвинил их в свое время Никита Хрущев. Кстати, после его нападок «Сталинский» фильм на долгие годы оказался на полке Госфильмофонда. До тех пор, пока (уже в брежневскую эпоху) его оттуда не извлекли и, вычистив «приметы культа личности», не запустили в 1968-м в повторный прокат. И опять в кинотеатры повалили толпы людей!

Из нашей кинематографической среды в последние годы слышались обещания снять продолжение «Кубанских казаков» — на тех же благословенных землях в Краснодарском крае. Что ж, соотечественникам и сегодня явно не помешают

И. Пырьев

ФОТО: РИА НОВОСТИ

утешение, моральная терапия, образ всеобщего счастья. Ведь ключевая строка песни «Каким ты был, таким остался» напрямую может быть адресована российскому народу. А он и дорог нам такой.

Другие берега

О чем говорят манускрипты

БИБЛИОТЕКА-МУЗЕЙ ОПЕРЫ

Юрий Коваленко, Париж

Национальная библиотека Франции (НБФ) располагает богатейшим русским фондом. Около 165 000 книг, рукописи, автографы, рисунки, эстампы, фотографии, карты, аудиовизуальные материалы, ноты, периодика. Они размещены в высотных башнях на набережной Сены, а также в старом здании библиотеки на улице Ришелье, в библиотеке-музее Оперы и в библиотеке Арсенала.

О ГЛАВНЫХ сокровищах и важнейших этапах истории русского фонда НБФ рассказала библиотекарь Валентина Бессон, которая почти два десятилетия занимается его комплектованием. Выпускница Московского института культуры, она до приезда в 1980-м во Францию работала в структурах АН СССР.

Первый русский документ попал в библиотеку, называвшуюся тогда королевской, в 1703 году. Это рукописный рассказ о путешествии в Китай Николая Спифария, который побывал в Срединной империи в составе посольства царя Алексея Михайловича. По всей видимости, этот документ показали в свое время Петру I, первому иностранному главе государства, посетившему библиотеку, — визит датируется 29 мая 1717 года. Примерно тогда

же ею был приобретен экземпляр Острожской Библии, напечатанной в 1581 году Иваном Федоровым.

Не менее знаменательная страница в летописи книгохранилища связана с императрицей Екатериной II. Покровительствовать писателям она считала царским делом. После того как Екатерина приобрела значительную часть библиотеки Дени Дидро, с которым поддерживала дружеские отношения, великий энциклопедист в 1775 году продал королевской библиотеке свою коллекцию из 60 русских книг. Это было не просто собрание библиофила, писал архивист Винсент Буле, а коллекция настоящего любителя русской культуры и словесности.

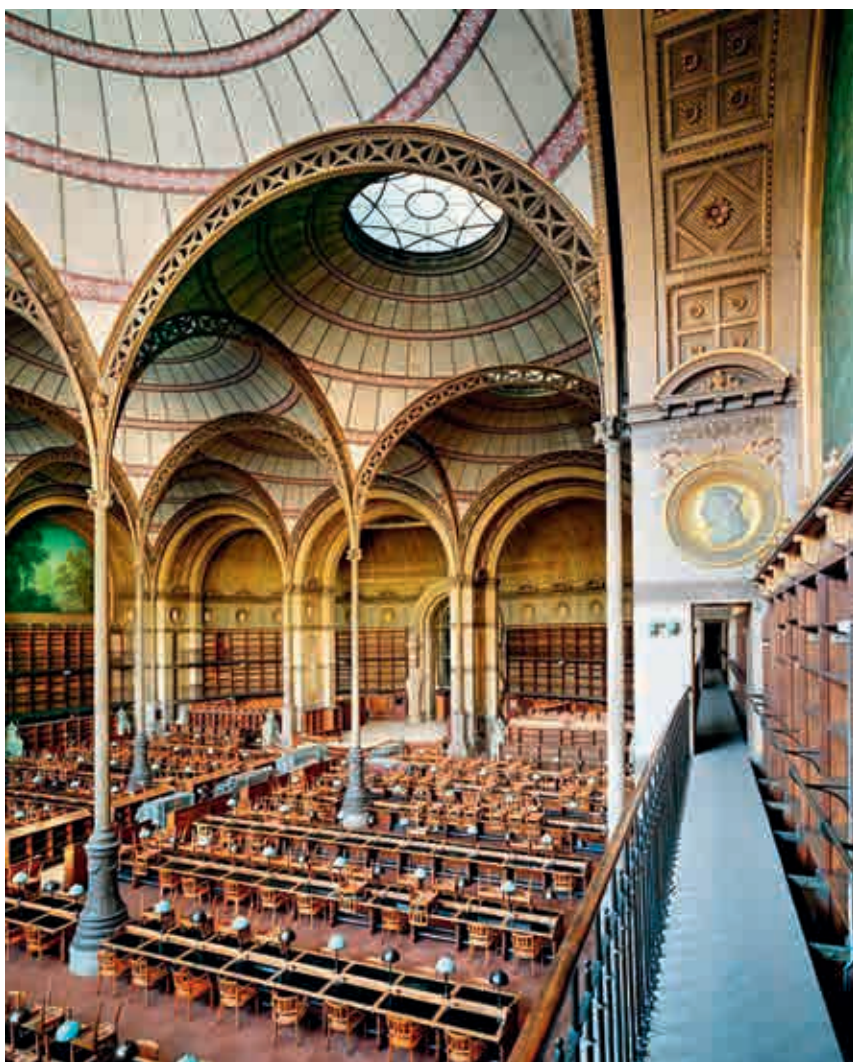
Еще одна памятная дата — 1836-й, год передачи примерно ста книг литератором Эдм-Жоашеном Эро, секретарем журнала *Revue encyclopédique*, знатоком и любителем русской поэзии, популяризатором нашей культуры во Франции. В их числе — первые издания «Басен» Крылова, поэзии Сумарокова, «Бахчисарайского фонтана», первых семи глав «Евгения Онегина», «Цыган» и «Полтавы» Пушкина.

В НБФ хранится альбом, который русские женщины преподнесли французкам по случаю заключения франко-русского союза. В 1891–1893 годах две страны обменялись визитами военных кораблей. Французская эскадра пришла в Кронштадт, а русская — в Тулон. На одной из страниц альбома — трогательное посвящение, написанное вязью на двух языках: «Блистательный и душевный прием, которым почтила Франция русскую эскадру, является первым в истории примером братского единения двух великих наций во имя мира. В этом знаменательном событии мы не только приветствуем единодушный обмен горячих взаимных симпатий и России, и Франции, но и видим в нем залог торжества гуманных стремлений современного человечества. Мы хотим верить, что высокий идеал

Валентина Бессон

Здесь собраны бесценные русские манускрипты, и прежде всего — тургеневские. Они были приобретены у семьи Виардо при содействии видного академика-слависта Андре Мазона.

братства народов будет насущной задачей грядущего века».

НБФ, продолжает Валентина Бессон, гордится собранием более 500 книг русского авангарда начала XX века. Эти издания, вышедшие крошечными тиражами, библиотека начала приобретать в 60-е годы прошлого столетия. Главные раритеты: сборник «Рыкающий Парнас», опубликованный в 1914 году и запрещенный цензурой, футуристические сборники «Пощечина общественному вкусу», «Садок судей», первое в мире исследование творчества великого испанца — «Пикассо и окрестности», написанное Иваном Аксёновым и изданное в 1917 году.

Здесь собраны бесценные русские манускрипты, и прежде всего — тургеневские. Они были приобретены у семьи Виардо при содействии видного академика-слависта Андре Мазона. В 1930 году вышла в свет его монография «Парижские рукописи Тургенева». «В СССР это в большинстве случаев лишь «немые свидетели» авторского творчества, то есть чистовые рукописи, с которых производился набор, — подчеркивал Мазон. — «Говорящие» же рукописи — черновики — находятся в Париже, и в них можно найти первые наброски большинства крупных произведений Тургенева: «Дворянского гнезда», «На-

кануне», «Первой любви», «Дыма» и «Нови»... Русские ученые по справедливости могут позавидовать французским исследователям Тургенева. Количество рукописей, которые Иван Сергеевич считал нужным сохранить, велико: это переплетенные и сшитые тетради, отдельные листки, связки писем. Даты начала и окончания. Различные замыслы развиваются одновременно; пока заканчивается одна повесть, уже набрасывается план другой».

Тургенев выработал привычку: приступая к работе, испробовать и перо, и бумагу. «Какова бумага? Очень хорошая. Бумага хорошая, да охоты писать нет никакой», — посетовал он в начале черногого наброска «Нови». Изучать рукописи в Париж приезжал академик, литературовед Михаил Алексеев, руководивший выпуском академического издания сочинений Тургенева. Он подсчитал, что эти архивы в НБФ составляют 4100 листов.

Автор этих строк в течение нескольких недель знакомился с архивами литературного секретаря Сергея Дягилева Бориса Кохно. Те достались библиотеке парижской Оперы (части НБФ, как сказано

выше). Тогдашняя ее хранительница Николь Вильд показывала мне фотографии Дягилева и его

сотрафиков — музыкантов, композиторов, артистов балета.

Самое ценное — записные книжки самого Дягилева, а также сотни писем, которые он получал от Маяковского, Пикассо, Прокофьева, Стравинского, Коровина, Ларионова, Гончаровой, Рериха, Бенуа, Шагала, Бакста. В одном из посланий Маяковский сообщал: «Разговор о возможной демонстрации искусства моих парижских друзей (в Москве. — «Свой») принят весьма сочувственно». Тут целый пласт истории не только «Русских сезонов», но и всей эпохи, художественно-артистических связей России и Франции.

В департаменте картографии НБФ находится великолепная коллекция работ и карт, принадлежавшая Русскому географическому обществу. Получены они от графа Григория Орлова и от известного ориенталиста, этнографа Николая Ханькова.

В департаменте эстампов и фотографий — редчайшие снимки, сделанные французскими фотографами во время Крымской войны. В аудиовизуальном департаменте — записи голосов Льва Толстого, Ленина, Сталина, Шаляпина, других русских знаменитостей.

Каждый год русский фонд, говорит Валентина Бессон, пополняется примерно тысячей новых книг,

которые НБФ либо покупает, либо получает по линии международного книгообмена. Время от времени ей передают свои архивы наши эмигранты. Так, художник Николай Дронников, живущий во Франции с 1972 года, несколько лет назад подарил библиотеке свои работы. Он создал портретную галерею деятелей русской культуры. Портретные серии Дронников превратил в книги, которые издал в домашней мини-типографии тиражом в несколько десятков экземпляров.

НБФ — не единственная библиотека во Франции, располагающая русскими книгами. Они есть и в ведущих университетах Парижа. Библиотека современной международной документации в столичном пригороде Нантере обладает богатейшим фондом, посвященным русской эмиграции. Там находятся материалы Ассоциации русских студентов в Париже, Ассоциации казаков во Франции, Русской академической группы в Париже... Нелишне отметить также русский архив Библиотеки Дидро в Лионе, где представлен фонд священника-иезуита князя Ивана Гагарина и документы о религиозных деятелях русского зарубежья.

Особое место в столице Франции занимает Русская общественная библиотека имени И.С. Тургенева, включающая в себя около 40 000 книг. Она отличается от прочих, в частности, тем, что выдает книги на дом. Хотя «Тургеневка» носит имя русского классика, у истоков ее создания стоял известный революционер-народник Герман Лопатин. Друг Маркса, первый переводчик «Капитала» на русский язык, он уехал за границу после неудачной попытки освободить Чернышевского из сибирской ссылки. Во Франции Лопатин решил основать библиотеку, которая была бы не только книгохранилищем, но и центром, объединяющим русских во Франции.

Решающую роль в ее создании сыграл автор «Отцов и детей». В своей парижской квартире 15 февраля 1875 года он устроил благотворительный утренник, на который пришли художники Репин, Поленов, Маковский, скульптор Антокольский, писатель Успенский, поэт Курочкин, певица Полина Виардо, а также русский посол князь Орлов. Собранные средства по-

зволили приобрести книги и арендовать помещение. В 1937 году там насчитывалось 100 000 русских книг. Тургеневская библиотека, говорил Марк Алданов, являла собой «самое старое и самое ценное из всех учреждений русского Парижа». Слависты, в свою очередь, отмечали: «Тургеневская библиотека — драгоценная часть нашего общего французско-русского культурного достояния». В период между мировыми войнами миссия «Тургеневки» заключалась в изучении прошлого русской эмиграции. Одновременно она была книжным центром и имела в своем собрании немало раритетов — первые издания Вольтера, Ларошфуко, Карамзина, «Судебник Государя Царя и Великого князя Иоанна Васильевича» (издания 1786).

Ей дарили книги Горький, Бунин и другие писатели. В 1937-м благотворительный вечер в пользу «Тургеневки» собрал Надежду Тэффи, Бориса Зайцева, Алексея Ремизова, Михаила Осоргина. На Рождество устраивались концерты и детские елки. «Русское зарубежье, — отмечал историк Петр Ковалевский, — никогда не забывало своей Родины, всегда было обращено к России и работало ради нее».

«Тургеневке» приходилось часто менять адреса в Париже, перебираясь из одного здания в другое. Трагедия случилась в годы Второй мировой войны, когда библиотека была разграблена фашистами. Ее конфискация была воспринята эмиграцией как невосполнимая потеря. «Горе русских в Париже — уничтожена Тургеневская библиотека, — скорбел Михаил Осоргин. — Весть о гибели близкого и бесценного друга, утешавшего много поколений русских эмигрантов в их участи, помогавшего им в работе, благословлявшего их досуг... Это самый грустный некролог, какой пришлось когда-либо писать».

Судьба пропавших книг до сих пор неизвестна.

После войны потребовалось почти двадцать лет, чтобы возродить «Тургеневку», которой сегодня пользуются наши соотечественники во Франции.

НОВЫЕ ЗДАНИЯ НБФ

Трапезная

Овсень-овсень, улетел совсем

Максим Сырников

Святки — радостные и светлые дни после Рождества. Пост закончился, можно разговляться чем Бог послал. Русские люди готовились к праздникам заранее, в столицы из разных губерний свозили поросят и гусей, говядину, баранину, уток, каплунов, пулярок, дичь. Рождественская птица с мочеными яблоками, поросенок с хреном, свиная голова на Васильев вечер, бараний бок с кашей, заливное — самое вкусное, богатое, парадное — должно быть на праздничном столе.

А ЕЩЕ в каждой губернии было что-то свое, особенное. То, что готовили в крестьянских избах и помещичьих усадьбах всего раз в году, на святочное угощение. На Северной Двине и по всему беломорскому краю пекли и по сей день пекут на Рождество особые пряники — козули. А на Новгородчине в Рождественский сочельник собирались всей семьей и лепили из пресного теста, замешанного на молоке, «коровок». Так

называлось это народное печенье, хотя чаще всего выходили вовсе не коровки, а олени, козочки и даже птицы. В ночь перед Рождеством все это выносили на мороз, а после заутрени ставили в печь. У них, новгородских коровок, особый вкус. И настроение с этой красотой особое, незабываемое.

На Владимирщине и Рязанщине Святки называли овсяницами или овсенью. В эти дни пекли скромные овсяные пироги и блины, заваривали кисель на молоке.

Еще лет двадцать назад на реке Оке пели особые святочные песни: «Овсень-овсень, улетел со всем...»

И пекли блины, не традиционные гречневые или пшеничные, а пышные овсяные. Их можно приготовить на любой кухне. А овсяная мука сейчас свободно продается в магазинах.

ФОТОГРАФИИ/PHOTOXPRESS

Овсяные блины скромные

*2 стакана овсяной муки
2 стакана молока
3 желтка
1 столовая ложка сахара
2 столовые ложки топленого масла
30 г дрожжей
Соль по вкусу
Масло для жарки*

В теплом молоке развести дрожжи. Замесить опару из половины муки. Дать опаре подняться. В подошедшее тесто добавить растертые с солью и сахаром яичные желтки, топленое масло, все хорошо размешать. Добавить оставшуюся муку и замесить тесто. Дать тесту снова подойти и выпекать блины обычным способом.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Своя

ЯНВАРЬ 2015

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Бараники